

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Игра
на чужом поле

Александра Маринина
Игра на чужом поле
Серия «Каменская», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148383

Игра на чужом поле: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 5-699-06960-7, 978-5-699-10943-2

Аннотация

Вас мучают какие-то тайные желания? Надежно законспирированная «фирма» поможет вам. Все, что угодно, – от растления малолетних до убийства. Дела «фирмы» процветают, а вычислить преступников практически невозможно: они не оставляют улик, дисциплинированы, редко собираются вместе. Анастасии Каменской «повезло» – она попала в сферу внимания группировки. Чтобы изобличить «фирмачей», ей приходится вести тонкую и опасную игру и даже – могла ли она когда-либо представить такое?! – воспользоваться помощью крупного мафиози, истинного хозяина Города...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	34
Глава 3	52
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александра Маринина

Игра на чужом поле

Пролог

За месяц до дня первого

Приступ неумолимо приближался, его симптомы Юрий Федорович почувствовал еще вчера вечером, но понадеялся на целебную силу сна. Сон, однако, не помог. На следующий день Юрий Федорович неоднократно ловил себя на мысли перевести любой разговор с учениками на тему «отцы и дети», а точнее – «мать и сын». Следующая стадия наступила после обеда, когда любое упоминание о родителях, и в особенности о матерях, вызывало у него физически осязаемое болезненное раздражение, и Марцев с трудом сдерживался, чтобы не оборвать собеседника, не нагрубить, не накричать. И вот сейчас, к концу рабочего дня, он понял, что приступа не избежать, что Юрочка «проснулся» и вот-вот заорет во всю глотку.

Марцев снял телефонную трубку.

– Галина Григорьевна, может быть, перенесем разговор на завтра? Мне нездоровится, хочу пойти отлежаться.

– Конечно, Юрий Федорович, – с готовностью отозвалась

преподавательница математики. – Если уж мы с Кузьминым шесть лет не могли справиться, то один день ничего не решает. Поправляйтесь.

– Спасибо.

Да, Кузьмин – это проблема. На него жаловались все учителя. Отличник по всем предметам, Вадик Кузьмин никогда не давал повода исключить себя из школы за неуспеваемость. Но во всем остальном, от поведения на уроках до дерзких и грубых выходок дома, он проявлял себя отменным подонком, ни разу, впрочем, не переступив ту черту, за которой автоматически следовали следствие и суд. Оскорбление и клевета, как известно, дела частного обвинения и возбуждаются судом по жалобе потерпевшего. Где ж это видано, чтобы школьные учителя судились с семиклассником? Да и ответственность за эти преступления законом предусмотрена только с восемнадцати лет. «Завтра, – подумал Марцев, нервно застегивая плащ, – все проблемы будем решать завтра. Сегодня самое главное – Юрочка. Покормить, перепеленать, уложить, усыпить. Только бы до беды не дошло!»

Юрий Федорович Марцев был болен давно и неизлечимо. Правда, знал об этом только он один. Ну, может, еще два-три человека, но их мнение Марцева не интересовало. Для всех он был уважаемым завучем английской спецшколы, преподавателем английской и американской литературы. Для своей жены Юрий Федорович был весьма неплохим мужем, для дочери – «педагогически правильным», хотя и

несколько старомодным отцом. А для мамы он был Юрочкой, Юрасиком, Юшкой, любимым и доведенным до отчаяния этой неистовой любовью единственным сыночком.

Марцев поехал на квартиру, которую снимал тайком от домашних за довольно умеренную цену: квартира была крошечной, давно не отремонтированной, почти без мебели, да и находилась на окраине Города. Иногда Юрий Федорович приводил сюда женщин, но в основном это убежище предназначалось для лечения, которое в последнее время требовалось ему все чаще.

Войдя в прихожую, он торопливо разделся. Руки дрожали так, что Марцев не смог даже повесить плащ на вешалку и в раздражении швырнул его на стул. Юрочка настойчиво рвался наружу, его переполняла ненависть к матери и требовательное желание немедленно убить ее. «Сейчас, сейчас, миленький, – бормотал Юрий Федорович, – сейчас ты успокоишься, потерпи еще минутку, ну еще одну секундочку...»

Он двигался почти автоматически, доставая из тайника кассету, вставляя ее в видеоплеер и подвигая кресло поближе к телевизору.

При первых же знакомых кадрах стало как будто немного легче, но Марцев заметил, что музыка, раньше действовавшая безотказно, в этот момент подействовала слабее. Он даже испугался, что лекарство утратило силу, однако через несколько минут все стало как прежде. На экране возникло прекрасное лицо матери, каким оно было тридцать пять

лет назад, когда Марцеву было всего восемь. Мать ходила по комнате, расставляла чашки, наливала чай, потом протянула руку и взяла Юрочкин школьный дневник. Марцев себя на экране не видел, но знал, что сидит за столом напротив матери и с ужасом ждет, когда она откроет страницу дневника с длиннющим, красными чернилами, посланием от учительницы. Вот мама читает его, брови хмурятся, губы презрительно кривятся, лицо делается ледяным. На столе между чайником и хлебницей лежит большой столовый нож. «Я ненавижу ее! Я ее боюсь и ненавижу! Сейчас я ее убью!» Юрочка вырвался наружу, Марцев больше его не удерживал, замороженно следя за тем, как это маленькое чудовище утоляет свою жажду. Ребенок ластится к матери, просит у нее прощения и обещает «больше так не делать». Лицо матери смягчается, она готова простить ненаглядное чадо и не замечает нож, спрятанный у него за спиной.

Во весь экран – красивая длинная шея, сверкающее лезвие ножа и кровь. Много крови. Очень много... Все. Наступил катарсис. Марцев отчетливо помнил ощущение теплой крови, потоком хлынувшей по его руке. Это ощущение возвращалось каждый раз, когда он смотрел фильм, и окончательно убеждало Юрочку, что он наконец сделал ЭТО. После этого малолетний убийца сворачивался в уютный клубочек и мирно засыпал до следующего раза.

Марцев обессиленно откинулся на спинку кресла. На этот раз он, кажется, справился. Но чувство освобождения было

сегодня не таким, как раньше. Юрочка, кажется, не уснул, как обычно, а лишь задремал. Марцев подумал, что периоды между приступами стали постепенно сокращаться. Раньше Юрочка просыпался один раз в два-три года, потом – раз в год, а между предыдущим приступом и сегодняшним прошло всего четыре месяца. Болезнь прогрессирует, Марцев это понимал. Что ж, решил он, значит, нужно новое лекарство. И он знал, каким оно должно быть. Завтра же он этим займется.

Глава 1

Дни первый и второй

«Я – моральный урод, лишенный нормальных человеческих чувств», – обреченно думала Настя Каменская, добросовестно вышагивая по терренкуру предписанные врачом километры. Впервые в жизни она оказалась в санатории и решила поправить здоровье «по полной программе», тем более что условия в «Долине» были более чем роскошные.

Конечно, она никогда бы не попала в этот престижный санаторий, если бы организовывала свой отпуск самостоятельно. В лучшем случае ей, работавшей в Московском уголовном розыске, предложили бы путевку в ведомственный санаторий без бассейна и с периодическим отключением горячей воды.

Равнодушная к природе, Настя проводила отпуска дома, в Москве, занимаясь переводами с английского или французского. Это позволяло, с одной стороны, несколько поправить материальное положение, а с другой – поддерживать знание языков. В этом году отпуск у нее был по графику в августе, но начальник отдела Виктор Алексеевич Гордеев, любовно прозванный подчиненными Колобком, попросил Настю поменяться с сотрудником, у которого скоропостижно умерла жена.

– Ты же знаешь, Анастасия, ему нужен отпуск, когда у дочки школьные каникулы. А тебе без разницы – август или октябрь, ты все равно в Москве сидишь. Слушай-ка, а хочешь, я тебя в хороший санаторий устрою?

– Хочу, – неожиданно для самой себя сказала Настя. Неполадок со здоровьем у нее был целый букет, но она никогда ими всерьез не занималась.

Тесть Гордеева профессор Воронцов руководил крупным кардиологическим центром, и с его помощью Виктор Алексеевич отправил Настю в «Долину». Это действительно очень хороший санаторий, в былые времена числившийся за Четвертым управлением Минздрава и по совершенно непонятным причинам не пришедший в упадок в эпоху реформ. Стоимость путевки, однако же, была такова, что перед Настей встали новые проблемы. Заткнуть брешь в бюджете можно было, если взяться за перевод и как следует поработать во время отпуска. Но для этого нужно везти с собой словари и портативную пишущую машинку, а кроме того, иметь возможность получить одноместный номер. Даже при минимуме вещей сумка со словарями и машинкой весит столько, что Насте гарантирован отпуск в горизонтальном положении: после неудачного падения в гололед она совсем не могла поднимать тяжести без того, чтобы потом не мучиться болями в спине.

– Не кисни, Анастасия, – подмигнул Колобок, когда она поделилась с ним своими сомнениями. – Сейчас позвоним

начальнику отдела уголовного розыска и попросим его организовать все в лучшем виде.

Виктор Алексеевич полистал справочник и принялся накручивать телефонный диск.

– Сергей Михайлович? Приветствую, Гордеев из Москвы. Не забыл меня еще?

Настя не особенно надеялась на помощь местной милиции, понимая, что подобные просьбы всегда обременительны и отрывают от дела.

Она внимательно наблюдала за начальником, пытаясь по интонации и выражению лица угадать реплики невидимого Сергея Михайловича.

– ...Едет к вам в «Долину» спину подлечить. Тяжести поднимать не может, надо помочь.

(– О чем речь, сделаем.)

– И еще, Сергей Михайлович, надо бы одноместный номер устроить. Наш товарищ поработать хочет.

(– По службе?)

– Нет-нет, что ты, как можно без твоего ведома. Творческая работа.

(– Знаем мы эту работу. Ладно, придумаем что-нибудь. Он у тебя как насчет выпить? Рыбалка? Может, охота?)

– Сергей Михайлович, это молодая женщина...

По тому, как мгновенно побагровело лицо Колобка, как залилась краской его лысина, Настя поняла, какие слова он слышит в эту секунду. Что ж, его собеседника можно понять,

он не хочет тратить усилия и время ни свое, ни своих подчиненных на устройство в санатории чьей-то любовницы. А кем же еще может быть женщина, за которую просит начальник отдела МУРа, если, конечно, она ему не родственница? Кем, как не любовницей кого-нибудь из его друзей, а то и его самого? Не сотрудником же, в самом-то деле. Смех просто!

– Все шутишь, Сергей Михайлович, – деревянным голосом произнес Гордеев. – Так я позвоню тебе, как только она возьмет билет. Договорились?

Когда Настя взяла билет на поезд, Виктор Алексеевич еще раз позвонил в Город, своего знакомого не застал и передал сообщение через дежурную часть. Настя ни минуты не сомневалась, что ее никто не встретит. Так и случилось.

Побледневшая от боли, еле передвигая ноги, она пришла в регистратуру санатория. Дежурный администратор была сама любезность, но, когда речь зашла об одноместном номере, категорически отказала.

– Одноместных номеров мало, мы их предоставляем только инвалидам, ветеранам войны, «афганцам». К сожалению, ничем помочь не могу.

– Скажите, а можно купить путевку прямо здесь? – спросила Настя, которая была уже готова на что угодно, лишь бы наконец лечь.

– Разумеется, – администратор быстро взглянула на Настю и тут же отвела глаза, уткнувшись в журнал.

«Все понятно», – подумала Настя, а вслух сказала:

– Продайте мне вторую путевку, и я займу двухместный номер. Так можно?

– Пожалуйста, – пожала плечами администратор, как показалось Насте, несколько напряженно и открыла стоящий на столе сейф.

Настя молча достала деньги и положила их на открытый журнал регистрации.

– Путевку можете не выписывать, – тихо сказала она. – Отметьте только в журнале, чтобы ко мне никого не подсе-
ляли.

Войдя в номер, она не раздеваясь легла на кровать и беззвучно заплакала. Спина болела невыносимо, денег осталось совсем мало. И еще она почему-то почувствовала себя униженной.

Полученную взятку администратор отработала честно. Она заметила нездоровую Настину бледность, и уже через полчаса в номер явился врач. Он мгновенно увидел и большую сумку, брошенную посреди комнаты, и покрасневшие от слез глаза, и обезболивающие таблетки на тумбочке.

– И о чем только вы думаете? – укоризненно говорил он, считая пульс и разглядывая синюшные Настины руки. – Зачем такие тяжести таскаете, если знаете, что больны? Сосуды у вас отвратительные. Курите?

– Да.

– Давно? Много?

– Давно. Много.

– Пьете?

– Нет. Только вермут, и то редко.

– Вас как зовут?

– Анастасия. Можно просто Настя.

– Меня – Михаил Петрович. Будем знакомы. Так вот, Настя, давайте решать, что мы с вами будем лечить в первую очередь: спину или сосуды?

– А вместе нельзя?

– Не получится. – Он покачал седеющей головой. – Для вашей спины нужны грязи, массажи, нагрузки, главным образом – ходьба и специальная гимнастика в бассейне. Это должно занимать часов пять ежедневно, если не халтурить. Вы же, как я понимаю, еще и работать собираетесь? – Он кивнул на машинку. – На лечение сосудов времени уже не остается. Так что выбирайте.

– Будем лечить спину, – твердо сказала Настя.

Обслуживание в санатории и в самом деле было «на уровне»: учитывая болезненное состояние Каменской, все необходимые процедуры, без которых нельзя начинать лечение, проводились прямо в номере (в «Долине» почему-то не принято было называть комнаты палатами). Пришла медсестра и взяла на анализ кровь, потом Насте сделали электрокардиограмму. Часа через два, когда результаты были готовы, забежала веселая молодая хохотушка – невропатолог, поохала насчет «чудовищно запущенных» сосудов и выписала таблетки. За невропатологом пришел старенький терапевт, а по-

следним, перед ужином, явился лечащий врач Михаил Петрович, сделал все назначения и подробно проинструктировал Настю. На прощание сказал:

– Сегодня отдыхайте, ужин вам принесут в номер. Перед сном придет сестра и сделает обезболивающий укол. Если утром сможете встать, сразу после завтрака идите в бассейн, инструктора по гимнастике зовут Катя, скажите ей, что у вас четвертый комплекс упражнений. Заниматься не меньше двух часов, ясно? Я в санаторной книжке все написал.

И вот на следующий день, отзанимавшись положенное время в бассейне, Настя добросовестно вышагивала лечебные километры и пыталась привести мысли в относительный порядок. Ей нужно было ответить самой себе на три вопроса.

Вопрос первый: окончательно ли распались отношения матери, Надежды Ростиславовны, с мужем, Настиным отчимом? И как сама Настя к этому относится? Накануне отъезда дочери в санаторий мать позвонила из Швеции, где работала уже два года по приглашению в одном из крупных университетов, и сказала, что ей предложили продлить контракт еще на год и она согласилась. Похоже, мать не очень-то скучает по мужу и дочери. Но и отчим, Леонид Петрович, отнесся к этому сообщению с доброжелательным спокойствием, видимо, привыкнув к тому, что жены у него вроде как и нет вовсе. Моложавый, подтянутый, красивый, он не тяготился «соломенным вдовством», и Настя знала об этом. Больше всего ее изумляло собственное отношение к ситуации: мама еще год

(это как минимум, а то и дольше, если опять предложат работу) будет вдали от дома, отчим самостоятельно устраивает свою личную жизнь, а ей, Насте, безразлично, как будто так и должно быть, как будто все нормально. Она не скучает по матери. Отчим обходится без жены. Семья распалась. А ей не больно. Почему? Неужели в ней совсем нет родственных чувств? Неужели она такая черствая?

Вопрос второй: почему она, сама Настя, не выходит замуж? Настя твердо знала, что замуж она не хочет. Но почему? Лешка готов на ней жениться по первому требованию, их отношения длятся больше десяти лет, но живут они отдельно, и ее это устраивает. Почему? Это же противоестественно.

И наконец, вопрос третий. Вчера она дала взятку. Да-да, давайте называть вещи своими именами, она совершила уголовно наказуемое деяние. И что? Стыдно ей? Да ни капельки. Только очень противно. Ей, Анастасии Каменской, старшему уполномоченному уголовного розыска, юристу с высшим образованием, майору милиции, нисколько не стыдно перед собой. Что же с ней происходит?

«Я – моральный урод, – тоскливо думала Настя, меряя шагами тропу терренкура, – я – чудовище, мне чужды нормальные человеческие чувства».

В Городе, где находился санаторий «Долина», царили мир, спокойствие и порядок. Частное предпринимательство процветало, цены в коммерческих магазинах были умеренные, преступность на общероссийском фоне выглядела до смешного низкой. Транспорт ходил исправно, дороги содержались в порядке, мэр Города давал населению обещания и выполнял их. Обеспечивал же всю эту благодать весьма могущественный человек – Эдуард Петрович Денисов.

Эдуард Петрович давно понял, что для бизнеса нужна стабильность если уж не экономики, то, по крайней мере, власти. И направил он свои усилия, во-первых, на то, чтобы сделать городскую администрацию устойчивой и несменяемой, а во-вторых, на то, чтобы криминальная структура была единой и полностью контролируемой.

Денисов умел ждать. Он смеялся над теми, кто, затратив рубль, получал на следующий день тысячу процентов прибыли, потому что знал, что через два дня ситуация изменится, прибыль проедят, а новую уже не получат. Он готов был тратить деньги, вкладывая их в обеспечение стабильности и не получая на первых порах ничего, ибо был уверен, что потом будет получать дивиденды регулярно.

Помогая властям Города завоевывать репутацию в глазах граждан, Денисов одновременно вел жестокую борьбу с пре-

ступными группировками, пытавшимися поделить Город на сферы влияния. От одних откупался, с другими договаривался, третьих сдавал милиции, а некоторых безжалостно уничтожал. И наконец остался полновластным хозяином Города. После этого Эдуард Петрович пригласил к себе в гости нескольких наиболее толковых и оборотистых дельцов, обладавших солидными криминальными капиталами.

– Друзья мои, – негромко говорил Денисов, грея в ладонях рюмку с коньяком, – если у вас нет на примете ничего лучшего, предлагаю вам перебраться в Город, который в настоящее время вполне пригоден для развертывания бизнеса. Позиции городской администрации достаточно прочны, и она будет нас всячески поддерживать. Население свою власть любит, и, какие бы катаклизмы ни случились, выборные должности будут занимать те же люди, что и сейчас, или их двойники. Соответственно они же обеспечат подходящие кандидатуры и на других постах. Предупреждаю: предлагаю заниматься только чистыми экономическими операциями. Никакой грязи, никакой уголовщины, контрабанды, наркотиков, антиквариата. Правоохранительные органы сегодня – наши. Но если, упаси бог, что-нибудь случится, завтра здесь окажутся люди из МВД России. Кто знает, что они здесь накопают. А я далеко не уверен, что смогу повлиять на назначение новых руководителей милиции, прокуратуры и суда, если нынешних снимут. Я много сил положил на то, чтобы сформировать стабильную власть в Городе, и я не позволю

никому поставить ее под угрозу. Во всем остальном – полная свобода действий, но без конкуренции. Потому что конкуренция – это борьба, а борьба – это силовые методы, в том числе уголовные, что, как я уже сказал, недопустимо. Это могу себе позволить только я, и то в очень ограниченных пределах, для вашего же блага. Те, кто готов принять мое приглашение, должны договориться сначала здесь, за этим столом. И договоренности свои честно соблюдать.

– М-м-м, а ваша роль какова, Эдуард Петрович? – спросил грузный Ахтамзян, поправляя очки. – Вы себе уже выбрали сферу?

– Нет, – улыбнулся Денисов, отпивая маленькими глотками коньяк. – Я в дележе не участвую. Я обеспечиваю вам безопасные условия существования, а вы за это содержите меня и мой аппарат.

– А если никто из нас не согласится? – допытывался неугомонный Ахтамзян. – Чем тогда вы займетесь?

Денисов понимал, что Ахтамзян хочет выведать, какая сфера деятельности в Городе сулит наибольшую прибыль. Он усмехнулся.

– Ничем. Я просто приглашу других людей. На тех же условиях.

С тех пор прошло почти три года. Денисов от коммерческой деятельности полностью отстранился, занимаясь исключительно, как он говорил, поддержанием порядка в жизненном пространстве. Одним из непреложных требований

для своих подопечных он выдвинул участие в благотворительности, которую рассматривал как действенное средство укрепления любви горожан к отцам Города. На первых порах это энтузиазма не встретило. Но проходило время, и бизнесмены убеждались в правоте своего командира.

Самым сложным было оградить Город от нашествия чужаков, игравших по своим правилам. Успешное развитие предпринимательства, высокие и стабильные прибыли делали Город очень привлекательным для разного рода группировок, а также хапуг-одиночек. Одни стремились поучаствовать в дележе уже выпеченного пирога, другие собирались открыть собственное дело, третьи – просто пощипать удачливых дельцов при помощи банального рэкета. У Денисова были собственные разведка и контрразведка. Разведка следила за тем, чтобы члены организации соблюдали установленные правила. Контрразведка боролась с чужаками.

Несколько месяцев назад Денисов почуял неладное. Он не мог бы сказать точно, в чем тут дело. Просто почуял – и все. Проснулся однажды утром и сказал себе: «В Городе что-то происходит». Несколько дней он анализировал свои ощущения, ни к какому выводу не пришел и вызвал начальников разведки и контрразведки.

– У меня нет никаких сведений, никакой точной информации. Только обрывочные факты. Какие-то странные разговоры в среде городских проституток, что, мол, одним везет больше, чем другим. В чем везет? За последний год трижды

в Город приезжали небольшие группы людей на собственных машинах и через день уезжали. Кто они? К кому приезжают? Зачем? Ни к кому из нашей команды они не обращались. А если и обращались, значит, мы прохлопали, а кто-то из наших ведет нечестную игру. И еще. Моя внучка Вера. Я был в школе, разговаривал с учителями. Знаете, что они мне сказали? Что Вера в последнее время стала учиться гораздо лучше. Вы слышите? Лучше, а не хуже, как я ожидал, учитывая переходный возраст и то, что она явно отбилась от рук родителей. Особенно ее хвалила учительница русского языка и литературы. Кстати, она согласилась со мной в том, что с девочкой что-то происходит. Какова бы ни была тема сочинения, она неизменно пытается порассуждать о наслаждении и цене, которую за него приходится платить. И это в четырнадцать лет.

– Наркотики? – поднял голову невысокий пухленький Старков, возглавлявший разведку.

– Похоже. Очень похоже. Может быть, все, что я изложил, никак одно с другим не связано. Может быть, никаких наркотиков в Городе нет. Но так или иначе, я хочу знать, что происходит.

Первые сведения поступили через две недели. Городские проститутки, которым «повезло», оказывается, нашли какую-то необременительную денежную работу за границей и уехали из Города. Куда – никто не знал. Люди на машинах приезжали в санаторий «Долина», где снимали на один-два

дня двухэтажные коттеджи, парились в сауне, пили водку и благополучно отбывали. Станным, однако, было то, что люди эти, судя по всему, приезжали хотя и одновременно, но не вместе. Они были из разных городов и друг с другом, как правило, незнакомы. Парень, который обслуживал их в сауне, ни разу не слышал, чтобы они обратились друг к другу по имени или на «ты». Что же касается внучки Денисова Верочки, то она попросту влюбилась. У нее был страстный роман со студентом педагогического института, который проходил практику в школе и преподавал химию и биологию. Источники информации уверяли, что студент вел себя прилично и рамок не переступал.

Но Денисова это не успокоило. Он встретился со специалистом-психологом и попросил у него совета.

– Может ли современная четырнадцатилетняя девочка считать любовь грехом, за которым должно следовать искупление? – прямо спросил Эдуард Петрович, не любивший околичностей.

– Конечно, может, если ее неправильно воспитывали.

– Что значит «неправильно»?

Психолог подробно объяснил Денисову, что он имеет в виду. Выяснилось, что сын Эдуарда Петровича и его жена – люди совершенно нормальные, дочку воспитывали правильно и никаких эксцессов в семье, могущих повлечь такой перекос в психике, никогда не было.

– Я могу предложить вам объяснение, если вы дадите мне

слово не кричать: «Этого не может быть, как вы смее!»

– Даю слово.

– Мое объяснение – нетрадиционный секс, сексуальные извращения.

– Да вы что?! – возмутился Эдуард Петрович. – Если бы вы ее видели... Хрупкая, нежная, волосы белые, как лен, детская мордашка. Она в свои четырнадцать выглядит еле-еле на двенадцать лет. Вера – абсолютно невинное существо, она младенец. Если бы вы заподозрили наркотики, я мог бы согласиться. В конце концов, в первый раз ей могли подсунуть отраву обманным путем или даже насильно, а потом она просто превратилась в безвольную рабыню. Это ужасно, но, во всяком случае, объяснимо. А то, о чем вы говорите, делается сознательно и по доброй воле. Нет, это совершенно исключено, этого просто не может быть!

– Вы дали слово, – укоризненно напомнил психолог.

– Извините... Спасибо за консультацию. Вот ваш гононар. – Эдуард Петрович положил на стол конверт и ушел.

Денисов остался крайне недоволен визитом. Возвращаясь домой, он думал о том, что на ближайшем совете надо поставить вопрос об учреждении в университете Города специальной стипендии для студентов-психологов. Может, хоть это заставит их лучше учиться. Нынешний уровень подготовки специалистов Эдуард Петрович оценил как никуда не годный.

Вскоре произошло первое тревожное событие. В город-

скую больницу с переломом основания черепа был доставлен Василий Грушин, который по поручению начальника разведки Старкова выяснял подробности вечеринок в коттеджах санатория. Грушин был в тяжелейшем состоянии, после операции находился без сознания. Когда он на несколько минут пришел в себя, около него была только медсестра.

– Запишите... телефон... – с трудом шевеля губами, прошептал Грушин. – Скажите... фамилия – Макаров... Позво... ните...

– Не волнуйтесь, позвоню, – ласково пообещала сестричка и побежала за врачом. Через десять минут Грушин скончался.

– Как вы думаете, позвонить? – спросила медсестра, вертя в руках бумажку с номером телефона.

– Как хотите, – пожал плечами доктор Вдовенко. – А вот в милицию я бы позвонил обязательно. Криминальная травма, сами понимаете. Или следователю скажите, он вчера здесь целый день сидел, ждал, что Грушин в сознание придет. Сегодня снова явится.

– Хорошо, – вздохнула девушка и потянулась к телефону.

* * *

– Что происходит в Городе? – зло спрашивал Денисов сидящего перед ним человека. – Я вас спрашиваю, что это за организация, которая позволяет себе убивать моих людей?

Если они пошли на это, значит, Грушин подобрался к чему-то очень важному. Что за серьезные дела творятся у нас, о которых мы ничего не знаем? Как вы можете это объяснить?

– Мы не боги, Эдуард Петрович, – спокойно ответил собеседник. – Если бы всё про всех знали, не существовало бы проблемы борьбы с преступностью. Что, собственно, вы так разволновались? Вы не впервые теряете людей.

– Но я всегда знал, почему я их теряю и кто в этом виноват, даже если этого не знали вы. А сейчас я не владею ситуацией, и это меня очень беспокоит. Шансов на раскрытие, как я понимаю, никаких?

– Минимальные, – подтвердил собеседник, разводя руками.

– Разумеется, – сокрушенно согласился Денисов. – Фамилия Макаров – это не поисковый признак. Все равно что Иванов или Сидоров. Всех Макаровых в Городе отрабатывать – у вас нет времени. Тем более что он, учитывая наезды людей из других городов, может оказаться не местным. Что вы можете мне предложить?

– Только одно. Послать человека в «Долину». Пусть сидит там, может, выяснит, кто такой этот Макаров.

– У вас есть подходящий человек?

– Вы шутите? У меня людей – по пальцам перечесть. На неделю-другую я бы мог выделить человека, но не больше. И так работать некому.

– Хорошо, я пошлю своего.

– Кстати, раз уж мы сегодня встретились, давайте подведем баланс за пять месяцев. Учитывая средний уровень раскрываемости преступлений, мы можем позволить себе не более десяти нераскрытых убийств за год. Половину оставляем на сельские районы и непредвиденные случаи. Ваш резерв – пять. Но это максимум, и то уже на грани риска. С учетом убийства Грушина остается четыре.

– Хорошо, сойдемся на трех, – кивнул Денисов. – Сейчас июль. Значит, до конца года в моем распоряжении осталось два случая. Один, если вы не забыли, я использовал в феврале.

– Не забыл.

На следующий день Эдуард Петрович Денисов лично нанес визит главному врачу санатория «Долина».

* * *

Настя Каменская оторвалась от машинки, накинула на плечи куртку и, взяв сигарету, вышла на балкон. Балкон был общим для двух номеров: Настиного – двухместного и соседнего – одноместного. Почти сразу балконная дверь одноместного номера открылась, на пороге возникла грузная пожилая женщина, опирающаяся на палку.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулась она, – мы с вами будем соседями. Меня зовут Регина Аркадьевна.

– Очень приятно. Анастасия, – представилась Настя, по-

жимая протянутую руку.

Старуха зябко поежилась.

– Я слышу, вы все время печатаете. Работа?

– Угу, – невнятно промычала Настя.

– Будете делать перерыв – заходите на чашку чая. У меня прекрасный английский чай. Зайдете?

– Спасибо, непременно.

Настя вернулась к детективной повести Эда Макбейна, твердо решив на чай к Регине Аркадьевне не идти. Повесть, которую она переводила, была небольшая, всего 170 страниц. Если задаться целью сделать всю работу за время пребывания в санатории, то норма должна быть 9 страниц в день. Настя переводила быстро, девять страниц она вполне успевала сделать во второй половине дня, после всех процедур. Норму можно было даже сократить с учетом того, что после возвращения из санатория в Москву у нее останется еще тринадцать дней отпуска. Решение не идти в гости к соседке не было связано с нежеланием отрывать время от работы. Честно говоря, Настя боялась, что пожилая женщина может оказаться навязчивой и превратится в тяжкую обузу. «Мерзость какая, – подумала она, вставляя в машинку чистый лист, – у меня нет даже сострадания к старости. Нет, определенно во мне гнездится какой-то моральный дефект».

Увлечшись работой, Настя пропустила ужин – уж очень захватывающе Макбейн описывал перипетии конфликта между детективом Стивом Кареллой и его молодым напар-

ником Бертом Клингом. Часов в десять вечера, почувствовав голод, она отложила перевод и включила кипятильник. В дверь постучали. Вошла соседка, неся в руках яркую коробку.

– Вы остались без ужина, у вас перерыв и вы собираетесь пить чай. Или кофе. Я не ошиблась?

– Абсолютно точно, – улыбнулась Настя. – Составите мне компанию?

– Обязательно. – Регина Аркадьевна грузно опустилась на стул и прислонила палку к стене. – Я даже принесла печенье, рассчитывая на чашечку кофе. Но имейте в виду, дорогая, я пришла к вам в первый и в последний раз.

– Почему?

– Потому что вы молоды, Настенька и, кроме того, заняты. Мои визиты могут вас раздражать, а я не люблю, когда меня терпят из вежливости. Вы покраснели? Значит, я права. Поэтому сегодня мы с вами познакомимся, а в дальнейшем вы, если захотите, будете приходить ко мне сами.

Настя разлила в чашки кипяток и посмотрела прямо в лицо старухе. Пожалуй, с ней можно без реверансов.

– Вы очень проницательны, Регина Аркадьевна, – спокойно сказала она.

– Ну что вы, деточка, просто я достаточно стара. Кстати, что у вас за работа? Я вижу словари. Вы переводчица?

– Да, – не колеблясь, соврала Настя. В конце концов, распространяться о работе в уголовном розыске было глупо, а

по уровню квалификации она ничуть не уступает профессиональным переводчикам.

– Какой язык?

– Английский, французский, испанский, итальянский, португальский.

– Ого! – удивилась Регина Аркадьевна. – Да вы настоящий полиглот. Как вам это удалось? Росли за границей?

– Что вы, нет. Я всю жизнь прожила в Москве. На самом деле это совсем несложно. Нужно только как следует овладеть одним языком, а уж потом чем дальше – тем проще. Честное слово.

Тут Настя не лгала. Она действительно хорошо знала все пять языков. Ее мать, профессор Каменская, была крупнейшим специалистом по разработке программ компьютерного обучения иностранным языкам. Освоение нового языка было в семье делом таким же естественным и повседневным, как чтение книг, поддержание чистоты в квартире и приготовление пищи. Французским Настя владела с тех пор, как начала говорить. Потом, лет в семь, подошла очередь итальянского, после чего испанский и португальский усвоились просто шутя. Английский Надежда Ростиславовна отдала на откуп школе, полагая его самым легким (из-за отсутствия родов существительных и минимального спряжения глаголов). «Самое главное, – внушала она дочери, – научиться автоматически употреблять артикли и пользоваться глаголами «быть» и «иметь». Это их основное отличие от русского язы-

ка. Все остальное – дело техники и зубрежки».

Матери удалось не только развить в Насте способности к иностранным языкам, но и пробудить живейший к ним интерес. Во всяком случае, сама Настя с удовольствием зубрила основы грамматики и лексику для тренировки памяти и, как она говорила, для развития «аналогового» мышления.

– Что вы переводите? Научную литературу? – поинтересовалась соседка.

– Художественную. Детективную повесть. Очень увлекательно.

– Да? – Регина Аркадьевна как-то странно взглянула на Настю. – Никогда бы не подумала, что вам нравятся детективы.

– Почему же? Детективы – прекрасная литература, – возразила Настя.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнесла Регина Аркадьевна. – Мне показалось, что у вас должны быть другие вкусы. Значит, я ошиблась. Молодая женщина, образованная, интеллигентная, трудолюбивая, не озабоченная проблемами секса... Вы должны любить Сартра, Гессе, Карпентьера, может быть, Камю. Но уж никак не детективы. Впрочем, не сердитесь на старуху, у меня, возможно, искаженное представление об искусстве. Я, видите ли, всю жизнь преподавала в музыкальном училище, класс фортепиано. Сейчас, конечно, я на пенсии, но ученики ходят ко мне домой. Говорят, у меня неплохо получается... – она криво

усмехнулась, – быть золотоискателем. Множество людей не покладая рук в тяжелых условиях намыывают золотой песок. Потом приходит чужой дядя, забирает песок, переплавляет в слитки и отправляет ювелиру. А ювелир делает из него всемирно известный шедевр. Ювелиру – почет и слава, а про того, кто положил здоровье на промывку песка, никто и не вспомнит. Вот вы, Настя, знаете, кто такая Розина Левина?

– Педагог из Джульярдской музыкальной школы. У нее учился Ван Клиберн, – быстро ответила Настя, мысленно похвалив себя за хорошую память.

– Вот видите! – торжественно воскликнула Регина Аркадьевна. – Имя Розины Левиной знает весь мир, хотя она не концертирующий пианист, а просто педагог. А у нас? Вы можете мне назвать учителей Рихтера, Гилельса, Соколова? Не тех, под чьим руководством они побеждали на конкурсах, а тех, кто учил их нотной грамоте, ставил им руку, намыывал в процессе ежедневных занятий золотой песок, из которого потом получился слиток. А блистательный Петров, у кого он учился? Нет в нашей культуре уважения к учителю. Только тогда, когда учитель сам по себе – известная личность, мы говорим: он учился у самого... Простите великодушно, голубушка, что-то я разворчалась. Давайте сменим тему.

– Давайте, – поддержала ее Настя. – Например, давайте поговорим о том, почему вы решили, что я не озабочена проблемами секса.

– О, это просто, – махнула рукой старуха. – Вы приехали в

санаторий, у которого вполне заслуженная репутация бардака. Ровно половина номеров – одноместные, так что никаких проблем с соседями. За режимом никто не следит, хоть всю ночь гуляй из номера в номер. Два бара, оба открыты до полуночи, ежевечерние танцульки, магазин, в котором всегда можно купить спиртное и закуску. И полная свобода нравов. Я-то хорошо все это знаю, ведь я живу в этом Городе и два-три раза в год обязательно прохожу курс лечения в «Долине». А вы приезжаете сюда со словарями и пишущей машинкой, одеваетесь неброско и не употребляете косметику. Так к какому выводу я должна была прийти?

«Не старуха, а Шерлок Холмс какой-то, – подумала Настя. – Неужели правда, что половина номеров одноместные? Ловко же администратор со мной управилась. Одной левой».

* * *

До закрытия бара оставалось пятнадцать минут. Людей было немного. Музыка звучала не оглушающе, но достаточно громко, чтобы окружающим не был слышен разговор, ведущийся за угловым столиком.

– Почему она живет одна в двухместном номере?

– В журнале стоит отметка «не подселять». Я спрашивал администратора, но она не в курсе. Вчера дежурила Елена Яковлевна, она Каменскую заселяла. Я, конечно, попросил позвонить Елене домой, выяснить насчет Каменской. Она

сказала, что был какой-то звонок, чтобы устроить ее одну в двухместном номере. Что тут особенного? Все равно в санатории много свободных мест, не сезон, да и путевки дорогие.

– Тогда непонятно, почему ей не дали одноместный номер. Где она работает?

– Нигде. Она переводчица, работает по договорам.

– Странно. Постарайся узнать, от кого был звонок. Не нравится мне эта Каменская. Что-то в ней есть неправильное.

Глава 2

День третий

После суточного дежурства администратору «Долины» Елене Яковлевне полагалось три дня отдыха. Но суматошная жизнь санатория, где плановые заезды перемежались с поселением в индивидуальном порядке, где путевки продавались как централизованно, так и прямо на месте, и путевки эти были и на двадцать четыре дня, и на двенадцать, и на семь, и даже на трое суток (для желающих посвятить конец недели оздоровительным процедурам), – так вот эта беспокойная жизнь требовала постоянного общения дежурных администраторов друг с другом, а также и с другими работниками санатория. Поэтому Елена Яковлевна ничуть не удивилась, когда ей уже во второй раз позвонили насчет Каменской.

Предоставление одноместных номеров за взятки она практиковала давно, ни разу не попадалась, и это несколько притупило ее бдительность. Конечно, с Каменской она допустила промах, но когда спохватилась – уже было поздно. Как же она забыла, что ей дней десять назад в санаторий звонили из управления внутренних дел Города и просили выделить этой москвичке одноместный номер. Ну просто совсем из головы вон! А вчера, когда позвонила дежурившая в тот день Боровкова и спросила, почему в 513-й номер «не подсе-

лять», Елена Яковлевна по привычке соврала, что, мол, был звонок. Для санатория такого ранга подобные «звонки» всегда были делом самым обычным, они нигде не регистрировались и никогда не проверялись. Однако, положив трубку, она тут же вспомнила, что звонок и в самом деле был, да еще из ГУВД. Ах, как неприятно!

Немного поразмыслив, Елена Яковлевна пришла к выводу, что, пожалуй, ничего страшного не произошло. Почему Каменская не сказала сама, что насчет нее звонили? Потому что постеснялась. Или не хочет по каким-то причинам быть обязанной тому, кто звонил. Вместо этого предпочла заплатить, хотя, если судить по одежде, для нее такая сумма – далеко не пустяк. Значит, она, во-первых, не такая уж важная шишка, если стесняется пользоваться блатом, а во-вторых, «бедная, но гордая». За долгие годы работы в санатории Елена Яковлевна научилась с первого взгляда распознавать склонность людей к жалобам и склокам. Такая, как Каменская, жаловаться и качать права не будет. Более того, если ей неловко пользоваться блатом, то ей тем более неудобно будет признаваться, что она дала взятку. Так что, если ее покровитель из милиции и спросит, почему она живет в двухместном номере, она скажет ему, что все равно, дескать, живет одна, а в двухместном – просторнее.

Рассудив подобным образом, Елена Яковлевна пришла к выводу, что разоблачение ей не грозит. Но вообще-то ситуация и в самом деле со стороны выглядит не совсем обыч-

но. Почему Каменскую надо было непременно заселять одну в двухместный номер? На всякий случай администратор решила подстраховаться и сослаться на звонок не из городского управления, а из МВД России. МВД – организация серьезная, если попросили поселить Каменскую одну в двухместном номере, значит – надо. И проверять никто не будет.

Когда ей на второй день снова позвонили, она прямо так и заявила: насчет Каменской был звонок из МВД.

* * *

Юрий Федорович Марцев терпеливо и дотошно объяснял по телефону свой режиссерский замысел.

– В кадре обязательно должен быть мальчик лет семи-восьми. Иначе все теряет смысл.

– Сюжет будет тот же?

– Да-да, сюжет тот же самый. Понимаете, в первом варианте у нас мальчик подразумевается, его «играют» и мать, и сюжет, как свита играет короля. А самого мальчика не видно. Теперь я хочу, чтобы он был.

– Но это невозможно, поймите. Мы не можем заставить ребенка участвовать в этом.

– Придумайте что-нибудь. Может быть, монтаж? Ну, я не знаю, вы же, в конце концов, специалисты!

– А без ребенка никак нельзя обойтись?

– Нельзя. В нем весь смысл.

– Хорошо, будем думать. Вы представляете себе, сколько это будет стоить?

– Это моя проблема, я ее решу. И не забудьте, что платье должно быть точно такое, как на фотографии.

Юрий Федорович положил трубку, задумчиво полистал записную книжку и снова набрал номер. Когда ему ответили, коротко сказал:

– Это Марцев. Я согласен.

И наконец последний звонок.

– Мама? Здравствуй. Как ты себя чувствуешь?

* * *

После работы Женя Шахнович, симпатичный ясноглазый блондин, работавший в «Долине» электриком, стал составлять план на ближайшие дни. Несмотря на довольно легкомысленное поведение, он был ужасно, иногда до занудства, методичен и любил все делать по плану.

Итак, во-первых, женщины. С окончанием летнего сезона в санатории стало заметно больше молодежи. С одной стороны, это означало, что больше стало молодых женщин, за которыми можно поухаживать. С другой стороны, стало больше и мужчин подходящего возраста, которые могут оказаться полезными. Главное – правильно распределить силы.

Женщин, не охваченных вниманием энергичного электрика, на сегодняшний день насчитывалось двадцать четыре.

Из них по крайней мере пятнадцать – очень хорошенькие, шесть – ничего себе, как их оценил Женя, и остальные три – мымы. Он, однако, выбирал объект для уходаживания не по внешним данным. Перебрав в уме всех кандидаток, Шахнович, сверившись с лежащим перед ним списком, наметил себе четырех человек.

Первая – совсем молоденькая рыженькая девица с прелестными веснушками, живет в двухместном номере рядом с люксом.

Вторая – яркая брюнетка лет тридцати пяти с роскошными бриллиантами в ушах и на пальцах. С ней будет совсем просто, решил Женя: носить бриллианты в санатории – признак небольшого ума.

Третья – невзрачная блондинка без возраста, не наряжается, не красится. Наверное, старая дева. Такие бывают весьма наблюдательными и злыми на язык. Пожалуй, ей надо заняться в первую очередь.

Четвертая «жертва» Шахновича отдыхала в «Долине» вместе с пожилой матерью. Собственно, интересовала Женю именно мать, которая целыми днями, укутавшись пледом, просиживала в шезлонге на балконе и, наверное, видела много чего интересного.

Теперь мужчины. Нужно выбрать двух человек, приехавших отдельно, но живущих вместе. Для задуманного дела Жене нужны были двое мужчин, раньше друг с другом незнакомых, но успевших сдружиться в санатории, чтобы

они были настроены проводить время вместе, а потом разъехались, и, как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Наблюдая за отдыхающими, Шахнович уже сделал предварительные прикидки, оставалось лишь окончательно выбрать. Подумав несколько минут, еще раз для верности взглянув на поэтажный план корпуса, Женя, прихватив чемоданчик с инструментами, решительно двинулся к номеру 240.

* * *

Закончив очередной абзац, Настя потянулась за часами. Может, уже на ужин пора? Очень есть хотелось. Часов на месте не оказалось. Она перевернула бумаги на столе, заглянула в тумбочку, порылась в карманах – пусто. Подумав, что часы могли упасть на пол, осторожно, держась одной рукой за поясницу, другой – за стул, опустилась на колени и заглянула под стол, но и там их не обнаружила. Зато заметила в самом углу, возле ножки стола, разъемную телефонную розетку. Видно, не все в «Долине» сохранилось с «застойных» времен, телефоны из номеров все-таки убрали. Где же часы? Скорее всего она забыла их в кабинете массажиста. Да, наверняка они там.

Открыв балкон, чтобы выветрился сигаретный дым, Настя заперла номер и пошла через застекленную галерею в соседний корпус, где находились процедурные кабинеты и бассейн. Кабинет массажиста был заперт. Сидевший внизу вах-

тер объяснил, что массажист работает до 16.00, а открывать кабинет без его ведома не положено, хотя ключ у вахтера, разумеется, есть. Настя в душе посмеялась, мысленно переводя фразу на хамско-чиновничий язык: «Я, конечно, могу тебе помочь, но у меня есть право и отказать, и очень уж мне нравится этим правом пользоваться и чувствовать свою власть. Но если попросишь как следует, поунижаешься, то я, может быть, и пойду тебе навстречу». Все это было так выразительно, огромными буквами написано на лице у старика, что Настя повернулась и ушла. Ей вполне хватило унижения в день приезда.

Выйдя на улицу, она сообразила, что часы могли остаться в раздевалке бассейна, завернула за угол и подошла к другому входу. Бабулька, несшая вахту в этой части корпуса, оказалась куда более приветливой и спокойно пропустила Настю. Безуспешно обшарив всю женскую раздевалку, она задумчиво брела по коридору, когда услышала доносившиеся из-за двери голоса. Один голос был незнакомым мягким баритоном, другой принадлежал инструктору Кате, Настя узнала ее по характерной картавости.

– ...красивый. Необычно сделан. Как будто каслинское литье. Где взял такую прелесть? – спрашивала Катя.

– Подарили, – ответил мужчина.

– Я бы для мужа купила.

– А я думал, только мы, мужчины, изменяя женам, начинаем делать им подарки. Неужели у тебя комплекс вины,

птичка моя?

– Да ну тебя, – рассмеялась Катя.

Возвращаясь к себе, Настя подумала, что старуха соседка, пожалуй, не преувеличивала, говоря о свободе нравов в «Долине». На ужин она опять опоздала. Окинув взглядом запа-сы кофе, заглянув в коробку с печеньем, оставшуюся после вчерашнего визита соседки, и пересчитав наличные, Настя решила пойти в бар и съесть хоть что-нибудь. Все равно придется просить отчима, чтобы прислал денег.

В баре ей понравилось. Неяркое освещение, мягкие угловые диваны, картины на стенах, предельно вежливый юноша за стойкой. Настя взяла кофе и два пирожных, уселась за столик у окна и задумалась над фразой, которую, как ей казалось, перевела не очень удачно.

– Вы позволите?

Перед ней с чашкой в руках стоял симпатичный блондин в джинсах, светлой итальянской водолазке и кожаном пиджаке. В баре было много свободных столиков. Блондин явно собирался знакомиться. Настя лучезарно улыбнулась.

– Вам нравится смотреть в окно?

Она расставила простенькую ловушку и с интересом ждала, попадется ли в нее блондин.

– Да, отсюда прекрасный вид, – с готовностью откликнулся тот, поставив чашку на столик и усаживаясь рядом.

– В таком случае не буду вам мешать. Мне ведь все равно где сидеть. – Улыбаясь еще более ослепительно, Настя взяла

свою чашку, блюдо с пирожными и отошла к другому столу.

Ей не хотелось быть невежливой, но и знакомиться с блондином она не собиралась. Она давно заметила, что многие самые обычные фразы ставят людей в безвыходное положение. Это напоминало ей игру, правила которой установлены невесть когда, и вроде как все должны, хотят они или нет, в нее играть. Что отвечать, когда вот так спрашивают: «Вы позволите?» – «Нет, не позволю»? Грубо. Ответить «да» – дать повод завязать разговор. А если разговаривать не хочется? Сидеть с надутой физиономией и не поддерживать беседу? Опять получается невежливо.

Доев второе пирожное и допив кофе, она уже собиралась уходить, когда перед ней снова возник блондин.

– Хочу вас поздравить, вы прошли тест на «отлично», – торжественно произнес он.

Настя недоуменно посмотрела на него, молча подняв брови.

– Вы изящно и оригинально дали мне понять, чтобы я от вас отстал, оставаясь при этом предельно вежливой. Bravo! Обычно девушки либо врут, что их столик занят, хотя сидят целый вечер одни, либо откровенно грубят. Анастасия Павловна, вы неповторимы. Так вы категорически отказываетесь со мной знакомиться?

– А зачем? – Настя пожала плечами. – Вы и так достаточно обо мне знаете: имя, отчество и даже то, что я оригинальна и неповторима. Вы хотите узнать что-нибудь еще?

– Не сердитесь, Анастасия Павловна, я просто немножко злоупотребил служебным положением и узнал в регистратуре, как зовут очаровательную женщину из пятьсот тринадцатого номера, которая целый день, как пчелка, стучит на машинке и при виде которой у меня дыхание перехватывает. Ну, казните, если виноват. Каюсь.

С покаянной миной блондин склонил голову в демонстративном поклоне. Настя достала сигарету, прикурила, немного помолчала.

– Молодой человек, у меня есть глаза, а человечество, спасибо ему за это, изобрело зеркало. Таким образом, у меня есть возможность видеть и вас, и себя. Вы молоды, красивы, полны сил. Я старше вас, у меня слабое здоровье, а самое главное – я абсолютно не обладаю женской привлекательностью. И одета я более чем скромно. Испытывать интерес ко мне как к женщине вы не можете ни при каких условиях, это бесспорно. Кроме того, вы, совершенно очевидно, умны и очень сообразительны. Мою выходку вы поняли правильно и отреагировали на нее экспромтом. Я вынуждена сделать вывод, что вам от меня что-то нужно.

Настя сделала паузу, чтобы дать блондину возможность вставить реплику. Ситуация перестала ее забавлять, она уже начала сердиться. Что нужно от нее этому красавчику? Она быстро перебрала в уме последние дела, по которым работала до ухода в отпуск. Может, это «хвост», который тянется из Москвы? Или кто-нибудь из местной милиции, присланный

узнать, как она устроилась, если допустить, что начальник розыска Сергей Михайлович вдруг спохватился и вспомнил, что не выполнил данное Гордееву обещание. Маловероятно, конечно, но чего в жизни не бывает!

– Так вы ничего мне не скажете? Тогда всего наилучшего.

Она погасила сигарету и поднялась.

– У вас прелестная улыбка, – грустно сказал молодой человек.

«Это не моя улыбка, я украла ее у актрисы. Тренировалась целую неделю, пока не научилась. Использую специально в тех случаях, когда хочу показаться необыкновенно доброжелательной, как сегодня. Ты, парень, далеко не дурак. Но хоть в чем-то мне удалось тебя обмануть», – думала Настя, поднимаясь по лестнице. Она была рада, что легко отделалась от блондина. Это было первой ошибкой.

Пока Настя отсутствовала, номер успел основательно выстудиться. Она решила принять горячий душ, а за это время в комнате станет теплее. Разминая пальцами ноющую поясницу, она с наслаждением подставляла спину под обжигающие струи воды. Как следует прогревшись, растерлась полотенцем и, не глядя, попыталась дотянуться ногой до резиновых шлепанцев. Почувствовав под подошвой влажную холодную кафельную плитку, Настя опустила глаза: шлепанцы стояли чуть дальше и не так, как она поставила, вернувшись из бассейна. Странно. За много лет движение было доведено до автоматизма: где бы Настя ни находилась – дома ли, в ко-

мандировке, она всегда ставила резиновые «вьетнамки» так, чтобы, выходя из душа, точно попадать в них ногой. Ощувив неприятный холодок в желудке, она быстро закуталась в теплый халат и вышла из ванной. На первый взгляд все было в порядке. Приглядевшись более внимательно, Настя поняла: кто-то здесь был, кто-то рылся в ее вещах.

Рывком опустившись на колени и чуть не закричав от резкой боли, она вытащила из-под кровати дорожную сумку. Сумка была задвинута немного дальше, сама Настя никогда бы ее так не поставила, зная, что ей больно нагибаться. Открыла «молнию» на внутреннем карманчике. Удостоверение, слава богу, на месте и лежит точно так же, как она его обычно кладет.

Запихнув сумку обратно, Настя осторожно вытянула ноги и прислонилась спиной к кровати. Ей нужно было подумать.

* * *

В номере 240 трое мужчин пили коньяк.

Один из них, москвич Коля Алферов, приехал в «Долину» долечивать травмы, полученные в автомобильной аварии. Он работал шофером, возил в «Мерседесе» генерального директора акционерного общества. Колиной вины в той аварии не было, он вообще водитель аккуратный, так что возмещать ущерб ему не пришлось. Но вот сломанная рука срослась неправильно, начались какие-то осложнения, и

врач посоветовал Алферову поехать в санаторий, причем именно в «Долину», где успешно лечат как раз травмы и заболевания опорно-двигательного аппарата.

Невысокий, сухощавый, с крепкими тренированными мускулами, Коля никогда, несмотря на свою довольно заурядную внешность, не страдал от отсутствия внимания со стороны женщин. Он с детства занимался спортом, участвовал в велогонках, месяцами пропадал в спортивных лагерях и на тренировочных сборах и обществом молоденьких девушек успел насладиться в такой мере, что годам к двадцати перестал обращать на них внимание. Ему стали нравиться женщины постарше. Они казались Алферову умнее, были спокойнее и опытнее, хорошо готовили и умели создавать уют, а самое главное – не стремились за него замуж. Если молодые девицы смотрят на лицо, то зрелые дамы ценят только неутомимое тело и не замечают ни перебитого Колиного носа, ни ранней плешивости, ни маленького роста.

Второй обитатель номера 240 был полной противоположностью своему соседу. Павел Добрынин жил и работал в соседнем городе, а в «Долину» приехал главным образом развлечься. Здесь было не менее комфортабельно, чем в том же Дагомысе, зато путевки дешевле. То обстоятельство, что и женщины здесь, в соответствии с ценой путевок, менее роскошные, Павла не волновало: раздетые – они все одинаковые, цинично думал он. К своим тридцати годам он это проверил многократно. Заодно он собирался полечить в санато-

рии ногу, сломанную несколько лет назад, когда в дым пьяный на спор съезжал с горы на чужих лыжах, не подогнав предварительно крепления. Из-за этого ботинок в нужный момент не отстегнулся от лыжи, и Добрынин с тех пор при каждой перемене погоды начинал прихрамывать.

То, что предлагал им Женья Шахнович, их новый знакомый, звучало совершенно необычно, но от этого еще более привлекательно. Заключать пари на женщин! С ума сойти! Да их здесь столько, что Добрынину, высокому стройному красавцу, от которого бабы всегда млеют, ничего не стоит уехать отсюда миллионером.

– Я не садист, – говорил Женья, с аппетитом откусывая бутерброд с сырокопченой колбасой, – и не настаиваю на том, чтобы вы непременно укладывали их в постель. Завоевать женщину – означает добиться ее согласия. И все. Пользоваться этим согласием или нет – дело ваше, смотрите по настроению. Условие пари в том, чтобы дама провела в вашем обществе не менее шести часов и при этом пригласила к себе в номер и осталась с вами наедине. Больше ничего не требуется.

– И всего-то? – пренебрежительно хмыкнул Павел.

– Не думай, что это так просто. Заставить женщину на протяжении шести часов поддерживать с тобой разговор, чтобы ей не стало скучно и она бы тебя не послала подальше, – все равно что вагон с углем разгрузить. Попробуй – узнаешь. Если бы это было легко, я бы не предлагал играть

на деньги. Даму нужно увлечь, понятно?

— А какой контроль? — спросил подозрительный Алферов, который во всем видел подвох.

— Хороший вопрос, — одобрительно кивнул Женя, разливая коньяк. — В качестве контроля предлагаю рассказывать все, что узнали от собеседницы. А чтобы не было соблазна приврать, заставьте их рассказывать о том, как они проводят время здесь, в «Долине». С кем общаются, кто их соседи, нравятся ли им врачи и обслуга. Одним словом, то, что можно проверить. Чем больше они вам расскажут, тем, значит, дольше вы разговаривали. Все просто, как пряник. Ну, как?

— Хитро задумано! — расхохотался Коля. — А я уж было размечтался! Думал, познакомлюсь с девушкой — и в кусты, книжку почитаю, в кино схожу, а потом явлюсь сюда и буду вдохновенно врать про то, какое у нее было тяжелое детство и как ее бил отец-пьяница. Ан не вышло!

Женя с любопытством посмотрел на Алферова. Легкий характер у мужика, если он так спокойно признается в том, что собирался пойти на обман. Легкий, открытый. Может, не трогать его, пока не поздно?

— Условия вам понятны? Тогда обсудим регламент. Ставка — сто тысяч. Женщин выбираем путем жеребьевки. Предположим, тебе, Паша, выпала девица из сто второго номера. Все кладем по сто «штук» на стол. Ты выиграл — наши двести тысяч забираешь себе. Проиграл — мы твою ставку забираем и делим пополам. Это понятно?

– Вроде да, – с сомнением протянул Коля.

– Пойдем дальше. Женщина, которую тебе не удалось окрутить, дорожает в два раза. Это значит, что, если за нее захочет взяться кто-то другой, ставка – двести. Если дело дойдет до третьего – четыреста.

– Получить восемьсот тысяч за то, чтобы шесть часов потрепать языком? Ну ты, Жека, даешь! Я готов начать прямо сегодня. За успехи в болтовне! – Добрынин поднял рюмку и залпом ее выпил.

– Тогда приступим к жеребьевке.

Шахнович достал список, карандаш и чистый листок, который разорвал на несколько частей. Написал на бумажках номера, скатал их в комочки и бросил в пустой стакан.

* * *

Ночь Настя Каменская провела почти без сна, безуспешно борясь с охватившим ее беспокойством. Вокруг нее что-то затевается. Сначала красавчик блондин в баре, а в это время кто-то побывал в ее комнате. Обыкновенный воришка? Ерунда, ее внешний вид вполне соответствует ее благосостоянию, надо быть слепым, чтобы, взглянув на ее майки и свитера, заподозрить наличие в номере чего-нибудь мало-мальски ценного. Что же в таком случае у нее искали? И связан ли с этим парень из бара? Парень-то не простой, это ясно.

А с другой стороны, может, зря она ищет подвохов там, где

его нет? Настя вылезла из-под одеяла, прошлепала босиком в ванную, где на стене висело зеркало в полный рост, и стала критически себя разглядывать. Фигура красивая, пропорциональная, ногами вполне можно гордиться. Волосы густые, прямые, длинные, если расчесать их щеткой и распустить, они блестящим покрывалом лежат на плечах и спине. Цвет, правда, какой-то непонятный, ни то ни се, ни белокурые, ни русые. Правильные черты лица, прямой нос, очень светлые глаза. Но почему-то все вместе впечатление не производит. Может, оттого, что в ней нет внутреннего огня, страсти, жизни? От этого и мимика вялая, и походка тяжелая, и нет желания надевать нарядные тряпки и делать макияж. В душе у Насти холод. Вечная мерзлота и большая скука. Ее интересует только интеллектуальная работа. В детстве и юности она была счастлива, только занимаясь математикой или иностранным языком. Она даже закончила физико-математическую школу, но поступила все-таки на юридический, хотя Лешка, верный друг и сосед по парте, всячески ее отговаривал. Сам-то он остался предан математике и сейчас уже доктор наук. А она получает удовольствие от своей работы, для нее любимое занятие – анализировать и решать задачи. Женственности это, конечно, не добавляет. Но что же делать, если все остальное ей неинтересно! Она даже влюбиться как следует не может, так влюбиться, чтобы до дрожи в ногах и до обмирания сердца. Скучно все это...

А вдруг она зря обидела давешнего блондина? Вдруг он-

то как раз и разглядел неброскую ее красоту и действительно хотел за ней поухаживать без всяких задних мыслей? Тем более что улыбка, которой она его ослепила, и впрямь была хоть куда, тут уж она постаралась. А возраст? Ему лет двадцать пять — двадцать семь, а ей — тридцать три, но в спортивном костюме и с волосами, стянутыми в «хвост» на затылке, она выглядит куда моложе. Надо было, наверное, обойтись с ним помягче. Но с другой стороны... Кто-то же обыскивал ее номер, и как раз в то время, когда он морочил ей голову в баре. Вряд ли это случилось, когда она бродила по процедурному корпусу в поисках часов. Настя точно помнила, что перед уходом в бар открыла толковый словарь Уэбстера, чтобы проверить одно слово, и положила длинный прямоугольный ластик точно по строчке, чтобы вернуться к этому слову еще раз. А когда она придирчиво осматривала комнату, ластик лежал точно так же аккуратно, строго по строчке, только строчка-то была уже другая, чуть ниже. На ней стояло слово-омоним: написание одинаковое, а смысл совсем другой.

Интересно, к ней в номер вошли через дверь или через балкон? Надо будет утром спросить у Регины Аркадьевны, может, она что-то слышала? Нет, решила Настя, надо выбросить это все из головы и отдыхать. Красть у нее нечего, интереса она ни для кого представлять не может, и не стоит забивать себе мозги всякой дребеденью.

Это была ее вторая ошибка.

Глава 3

День четвертый

Проснувшись, Настя решила начать новую жизнь, а заодно и проверить на практике теорию о том, что бытие определяет сознание. Говорят, что актеры иногда так вживаются в роль, что начинают мыслить и чувствовать, как изображаемые ими персонажи. «Я попробую быть ЖЕНЩИНОЙ, – думала она, – и, возможно, это хоть немного растопит лед, от которого я вся внутри замерзла, от которого стынет душа».

Собираясь на завтрак, она подкрасила белесые брови и ресницы, чуть тронула губы помадой, надела яркую майку, а поверх нее – не куртку от спортивного костюма, а длинный черный пушистый жакет, на фоне которого распущенные светлые волосы казались почти платиновыми. Повертела в руках флакон «Клима» и поставила на место: где-то она читала, что пользоваться духами перед завтраком – дурной тон.

Спускаясь в столовую, тщательно следя за походкой и осанкой, Настя чувствовала радостное возбуждение. Похоже, лекарство помогает.

Складывая в сумку принадлежности для бассейна, она сняла с крючка в ванной купальник, на мгновение задумалась и решительно повесила его на место. Надо быть после-

довательной, упрекнула себя Настя, доставая новый, весьма смелый купальный костюм, еще в прошлом году присланный матерью из Швеции, но так и пролежавший в запечатанном пакете. Если хочешь потренироваться в эротичной пластике, то и выглядеть надо соответственно.

Примерив купальник, Настя засомневалась: выглядела она в нем как девушка из специфического «мужского» журнала. А, была не была, все равно в бассейне после одиннадцати часов никого, кроме нее, нет, она занимается гимнастикой совсем одна. Основная масса отдыхающих плавает либо утром, либо с пяти до семи вечера. Время с одиннадцати часов и до обеда было «мертвым», собственно, поэтому Настя и выбрала его для ежедневных занятий.

В бассейне она добросовестно проделала все упражнения, проплыла положенное число раз вдоль дорожки, а потом начала валять дурака. Подняться по ступенькам, вылезти на бортик, перейти к другому краю, спуститься, пройти в воде к противоположной лестнице – и все сначала. Движения должны быть грациозными, мягкими, волнующими, как будто на тебя смотрит самый лучший в мире мужчина и необходимо ему понравиться, зажечь желанием, влюбить в себя мгновенно и надолго. Ничего себе задачка!

Пройдя намеченный цикл четыре раза, она поняла, что устала больше, чем от двух часов водной гимнастики. Тело ее было послушным, она умела имитировать любую пластику, от стремительной разгневанной тигрицы до умиротво-

ренной пушистой кошечки. Такое у нее было тайное хобби – копировать человеческие типы. Но одно дело – потренироваться (конечно, дома и, конечно, с перерывами) и несколько минут попридуриваться перед зеркалом, и совсем другое – длительное время находиться «в образе». Очень утомительно. Пора заканчивать этот цирк.

Настя подняла голову, взглянула на часы, висящие высоко под потолком, – она в бассейне торчит уже два с половиной часа, скоро обед. Косой луч осеннего солнца, пробившись через широкое оконное стекло, отразился от блестящей поверхности прямо под часами и на миг ослепил Настю. Она зажмурилась и решительно направилась в раздевалку.

* * *

– Я хочу вот ту, – сказал Зарип, облизывая пересохшие губы.

Он приехал в «Долину» впервые, и ему показывали помещение, из которого он сможет наблюдать за процессом отбора. Помещение представляло собой маленькую тесную комнатенку на третьем этаже процедурного корпуса. Под висевшим на стене календарем с изображением кошек и собак – зеркальное окошко, выходящее прямо в бассейн.

– Это отдыхающая, – ответил ему красивый, атлетически сложенный мужчина с темными глазами и светлыми волосами. – Девушек привезут вечером, тогда и выберете.

– Нет, я хочу вот эту. – Зарип сверкнул глазами, на впалых щеках проступили лихорадочные красные пятна.

«Психопат, – зло подумал русоволосый мужчина, – упрется рогом, потом с места не сдвинешь. Все хорошо в нашем деле, кроме клиентов».

– Вы сначала взгляните на тех, что мы вам предложим, – миролюбиво сказал он. – Может быть, вам кто-нибудь больше придется по душе.

Зарип кивнул, но было видно, что уступил он только для вида.

– Когда привезут девушек?

– С девяти до десяти вечера. Вы пока можете отдохнуть, в коттедже вам накроют обед. В вашем распоряжении массаж, сауна.

– Не хочу. Пойду посплю. Кроме меня, здесь кто-нибудь будет вечером?

– Еще двое. Очень милые люди, вы не беспокойтесь. Они уже давно к нам ездят и всегда оставались довольны. Котик, проводи гостя в коттедж.

До коттеджа Зарип дошел в сопровождении массивного, но рыхловатого Котика, обладателя высокого тенора, так не вязавшегося с его обликом. Улегшись на диван, он предался сладким мечтам о девушке, которую только что видел в бассейне через смотровое окно. Чудо, чудо как хороша! Это ее видел Зарип в своих тревожных снах – светловолосую, нежную, хрупкую, сексуальную. И вот она здесь, рядом. Да на-

плевать, что она не из тех, пусть уговорят, пусть силой заставят, ему нужна только она и никто другой!

Зарип мысленно представил себе, как она разденется, как будет заниматься с ним любовью. О да, он заставит ее сделать все, что не может получить от женщин у себя дома, в узбекском селе. Все эти штучки, которые он видел в городе на порнокассетах, но которые его не возбуждали, потому что происходили не с ним. А теперь он сделает это сам, он будет упиваться этими длинными светлыми волосами, белой кожей, стройным телом. А шея! Ее шея! С каким удовольствием он сомкнет на ней пальцы и будет сжимать, сжимать, все сильнее, сильнее, пока не вдохнет глубоко в себя ее душу, покидающую тело с последним дыханием... А потом будет смотреть фильм и вспоминать... Другая! Других таких нет. Или эта – или никто.

* * *

Светлана Коломиец уже второй час сидела перед зеркалом, накладывая на лицо специальный грим, которым пользуются спортсменки, занимающиеся фигурным плаванием. Сама Светлана спортом занималась только в школе, да и то не плаванием, а волейболом. Конечно, усмехнулась она про себя, ее нынешняя, самая древнейшая, профессия – тоже своего рода спорт.

...Месяца три назад Света прочла объявление, приглаша-

ющее эффектных молодых девушек в страны Ближнего и Среднего Востока для работы секретарем в фирмы, имеющие российских партнеров. Ни на что особенно не рассчитывая, послала по указанному адресу письмо с фотографией и даже удивилась, получив ответ. Ей предлагали приехать в Город в любой удобный день в период с 20 по 27 октября для собеседования. Недолго думая, Светлана села в самолет и прилетела в Город.

Собеседование с ней проводил какой-то нервный тип с лошадиным лицом, но ей понравилось, что он не стал вешать лапшу на уши, а сказал ей все как есть. Русские красавицы очень ценятся на Востоке, и многие состоятельные люди хотели бы взять их на содержание. Девушка будет жить в прекрасных условиях, в собственном доме, хотя и небольшом, но с прислугой, ее будут кормить, одевать, украшать, а она, в свою очередь, должна быть преданной, пылкой, лишенной предрассудков любовницей. Когда она надоест хозяину, ей будет выплачено что-то вроде «выходного пособия» и предоставлена возможность вернуться в Россию.

Ее, Свету, пригласили на собеседование после того, как один миллионер из Турции выбрал ее по фотографии. Но, кроме нее, ему понравились еще несколько девушек, и, чтобы он мог сделать окончательный выбор, необходимо предоставить ему возможность изучить кандидаток поподробнее. Заказчик просил снять на видеопленку девушек в бассейне – такая вот у него причуда, он, видите ли, считает, что в во-

де женщина наиболее ярко проявляет свой характер, лучше видна грация, а заодно и дефекты, если они есть, конечно. Если выбор заказчика падет на нее, ей помогут с оформлением паспорта, получением визы и покупкой билета и пожелают счастливого пути.

– А если я ему не понравлюсь? – спросила Светлана.

– На нет и суда нет. Что поделаешь. Если хотите, мы оставим вашу кассету в нашем банке данных, заказчиков у нас много, так что шансы у вас достаточно большие. Есть и еще вариант: если есть трудности с деньгами, вы сможете сняться в порнофильме. Кассета уйдет из России, мы делаем фильмы только для зарубежных заказчиков и только в индивидуальном порядке, с учетом их вкусов и пожеланий, и, разумеется, без тиражирования. Вы – женщина красивая, так что, я думаю, в любом случае вы приехали не зря.

– Хотелось бы надеяться, – улыбнулась она. – Как долго придется ждать ответа?

– Дня три-четыре после съемок в бассейне, самое большое – неделю. Вам даже не нужно уезжать из Города. Мы поселим вас в отдельной квартире, жилье и питание – за счет фирмы. Но одно условие: из квартиры выходить только в сопровождении работников фирмы.

– Почему такие строгости? – удивилась Света.

– Потому, – коротко ответил тип с лошадиным лицом. – Я же не спрашиваю у вас, почему вы не хотите обслуживать русских мужиков и готовы все то же самое делать за грани-

цей, да еще без права выбора. В каждой работе есть свои сложности. Так что давайте без лишних вопросов.

Светлана приняла это как должное. Терять ей в любом случае нечего. Поплавать в бассейне, покрутить задницей, потом неделю отдыхать, отсыпаться, смотреть телевизор и пить чай по вечерам, как хорошая девочка. Даже приятно для разнообразия...

Ровно в девять вечера раздался звонок в дверь. Еще раз оглядев себя в зеркале, Светлана Коломиец подхватила сумку с купальными принадлежностями, поправила прическу и спустилась на улицу, где ее ждала машина. Ехать пришлось недолго. Ей даже показалось, что водитель специально петлял, вместо того чтобы ехать прямо, хотя в темноте Света и так дорогу не разобрала. Машина въехала в высокие чугунные ворота, покатила по аллее и остановилась у крыльца, возле которого были припаркованы еще два автомобиля. Светлана потянулась к ручке, чтобы открыть дверь, но водитель, не поворачивая головы, буркнул:

– Подожди.

Буквально через полминуты на крыльцо вышли двое: мужчина и девушка. Мужчина сел в бронзовый «БМВ» и завел двигатель. Девушка, зябко кутаясь в длинный блестящий плащ, обошла машину с другой стороны и села на переднее сиденье рядом с мужчиной. Машина отъехала.

– Пошли, – скомандовал водитель.

Переодевшись, Светлана вышла из раздевалки и направи-

лась к «лошадиному» типу, который стоял возле бассейна с видеокамерой в руках. Больше никого в зале не было, и Светлану это почему-то успокоило. Она подозревала, что на «смотре» под видом сотрудников фирмы будут торчать всякие проходимцы, любители поглазеть на красивых девиц (возможно даже, не бесплатно), да еще раздетых. То, что человек с камерой был один, убедило ее больше, чем самые веские рекомендации.

– Что я должна делать?

– Ничего особенного. Резвитесь, плещитесь, плавайте. Постарайтесь быть привлекательной. Покажите заказчику лучшее, что в вас есть. А я буду снимать. Давайте! – Он легко подтолкнул ее к воде.

Сначала она чувствовала себя неуютно, не знала, куда девать руки и ноги, не могла придумать, как «показать себя». Потом вспомнила про отдельный дом с прислугой и постаралась представить, что плавает в собственном бассейне просто для удовольствия. Движения стали размягченными, плавными, она даже несколько раз нырнула, зная, как красиво смотрятся в голубой воде длинные каштановые волосы.

– Достаточно! – крикнул мужчина с камерой. – Спасибо. Можете одеваться.

Выйдя в сопровождении водителя, терпеливо дожидавшегося ее у раздевалки, на крыльцо, Светлана увидела, что рядом с их машиной уже стоит другая. Следующая кандидатка на турецкий престол ждала своей очереди.

В комнатке на третьем этаже четверо мужчин внимательно наблюдали за происходящим в бассейне. Когда появилась Светлана Коломиец, Юрий Федорович Марцев решительно сказал:

– Она! Сходство потрясающее.

Он достал из кармана фотографию матери и еще раз взглянул сначала на нее, потом на девушку в бассейне.

– Вне всякого сомнения, она. Грим нужен минимальный. Рост, цвет волос, черты лица – все подходит.

– Прекрасно, – отозвался русоволосый темноглазый мужчина, – с вами вопрос решен. Вас проводить?

Марцев молча кивнул.

Третьим человеком в этой «смотровой» был старик в прекрасно сшитом дорогом костюме. Ему пока никто не понравился, но он был здесь не в первый раз и знал, что нимфеток приводят в самую последнюю очередь. Глядишь, заказчик выберет себе кого постарше, из тех, кого показывают вначале. Это даже лучше, потому что возиться с малолетками – дело слишком рискованное. Всегда надо стараться по возможности этого избегать. К нему самому это правило не относится, он-то точно знает, чего хочет, его такими хитростями с толку не собьешь. Ему, Ассанову, уже семьдесят шесть, и на девочку старше тринадцати он не согласен. Лучше еще

моложе. Что ж, подождем.

Четвертый, Зарип, поглядывал в окошко просто для проформы. Он знал, что ни одна из этих девиц его не устроит. Ему нужна только та, которую он видел днем. И он ее получит. Чего бы ему это ни стоило.

* * *

Сегодня Настя поработала как следует, даже норму перевыполнила. Проводя в жизнь принятое утром решение, перед обедом целых пятнадцать минут красилась и расчесывала волосы, чтобы лучше лежали. Эффект терапии был ощутим, она даже испытала некоторое удовольствие, выбирая одежду для посещения столовой.

После обеда отправилась на прогулку. Тут же к ней подлез какой-то малорослый хмырь и начал приставать с разговорами. Настя добросовестно пыталась заставить себя включиться в беседу, но через десять минут ей стало так откровенно скучно, что она нарушила данное себе утром слово быть мягкой и пушистой.

– Извините, вы не могли бы оставить меня одну? – сказала она, сворачивая в боковую аллею.

Малорослый, однако, оказался настырным. Он плелся возле Насти и вполголоса нес какую-то чепуху, не требуя от нее ответных реплик. И вдруг нахально взял ее под руку.

Настя остановилась и уже приготовилась сказать какую-то

грубость, но парень ее опередил:

– Хотите, я дам вам пятьдесят тысяч? – спросил он совершенно серьезно.

– Хочу, давайте, – не менее серьезно ответила Настя.

– Ну, не за просто так, – засмеялся парень.

– Тогда не хочу.

Настя повернулась и быстро пошла по своему маршруту, но ее настойчивый спутник снова оказался рядом.

– Вам это ничего не будет стоить. Я погуляю вместе с вами, вы мне расскажете, как провели время в санатории, какие у вас процедуры, какие еще кретины, кроме меня, пытаются за вами ухаживать, потом мы пойдем к вам в номер, вы займетесь своими делами, а я тихонечко посижу в уголочке с книжкой. Вы меня даже замечать не будете. Я посижу у вас часов до десяти и уйду. И все.

– А пятьдесят тысяч? – насмешливо спросила Настя. Ей стало интересно.

– Завтра с утра. Если позволите зайти к вам попозже вечером, деньги принесу сегодня.

– Слушайте, юноша, если у вас есть лишние пятьдесят тысяч, вызовите мастера. У вас крыша течет.

Настя снова решительно зашагала по аллее. Парень отстал.

Часы Настя еще утром забрала у массажиста, поэтому сегодня даже на ужин пришла вовремя. Сейчас, увидев, что время близится к одиннадцати, решила, что работу можно

на сегодня закончить. Сложив исписанные листы в папку и закрыв словари, она вышла на балкон покурить.

Октябрь выдался холодным почти по-зимнему. Голые деревья ждали снега, им, не укрытым листвой, было зябко и одиноко. Насте показалось, что она в душе такая же холодная, как эти деревья. Вся ее сегодняшняя терапия – не более чем елочные украшения на замерзших обнаженных ветках. Так же нелепо и неправдоподобно. Поиграла – и хватит.

Докурив, Настя продолжала бездумно стоять в тишине. Легкий морозец наконец добрался до нее, и, передернув плечами, она вышла из оцепенения. А у Регины-то Аркадьевны, похоже, гости. До Настиного слуха донеслось:

– ...нельзя так работать, это явная халтура. Зрительный ряд – рваный, психологический настрой из-за этого сбивается. Звуковое решение никак не связано со зрительным. Это нарушает гармонию, ослабляет восприятие, не продуцирует ассоциативные связи. Ты просто-напросто угробил прекрасную музыку...

Голос старухи звучал требовательно и раздраженно, чего Настя никак не ожидала. Ей стало неловко, она вернулась в комнату и закрыла за собой балконную дверь. Вешая куртку в шкаф, услышала стук. На пороге появилась соседка.

– Что-нибудь случилось? – встревоженно спросила Настя, памятуя о том, что сказала ей старуха при знакомстве.

– Да, Настенька! – Соседка сияла. – Вот я давеча ворчала, брюзжала... А ведь не забывают старуху! Приехал мой уче-

ник, один из немногих, радующих меня и по сей день. Пойдемте, я вас познакомлю. Не все же вам на машинке стучать.

Глядя на радостно возбужденную старуху, Настя не нашла в себе сил отказать ей. Понятное дело, хочет похвастаться преуспевшим в жизни учеником. Какие еще радости могут быть у одинокой пожилой женщины?

– Я приведу себя немного в порядок...

– Вы чудесно выглядите, Настюша, румянец – словно только что с прогулки. Идемте.

Войдя в номер к соседке, Настя невольно изумилась. На столе в вазе – виноград, гранаты, яблоки. Рядом бутылка коньяка, коробка дорогих шоколадных конфет, в тарелочке – нарезанный лимон. Но больше всего ее поразил огромный букет роскошных хризантем, розово-кремовые лепестки которых с внутренней стороны отливали терракотовым. А с кресла встал ей навстречу крупный привлекательный мужчина. Классически строгое восточного типа лицо с темными миндалевидными глазами обрамлялось светло-каштановыми, почти русыми волосами. Этот диссонанс делал его мужественную внешность мягче, обаятельнее...

– Дамир, – представился он, и Настя успела заметить какой-то непонятный отблеск на его лице, словно бы он удивился тому, чему удивляться не положено, но вовремя спохватился.

– Анастасия. – Голос сделаем глуховатым, негромким, а улыбку Настя быстренько позаимствовала из арсенала одной

французской звезды.

Дамир поцеловал ей руку, и под его теплым взглядом лед внутри у нее начал таять. Господи, как хорошо, что она пришла сюда! А ведь чуть было не отказалась.

Регина Аркадьевна достала чистую рюмку, налила коньяк и протянула Насте. Та сперва удивилась, что спиртное разливает пожилая хозяйка, а не мужчина, и тут же поняла, что рука ее – до сих пор в руке Дамира, а сама она стоит как соломенное чучело с блаженной улыбкой на лице. Смутившись, она отняла руку, но от рюмки отказалась.

– Вы совсем не пьете? – удивилась старуха.

– Не люблю коньяк.

– А что вы любите?

– Вермут. Лучше мартини.

– Я это учту, – сказал Дамир таким тоном, что Настю бросило в жар.

Дамир Исмаилов, как было рассказано в дальнейшем, родился и вырос в Городе, у Регины Аркадьевны учился с шести лет и подавал большие надежды, но, закончив музыкальное училище, поступил не в консерваторию, как все ожидали, а в Институт кинематографии. Теперь он работает на небольшой частной киностудии режиссером, свободно творит все, что ему взбредет в голову, смело экспериментирует, и иногда плоды такого своеобразного творчества даже получают какие-то там призы на каких-то там фестивалях. Небрежность, с которой говорил Дамир о фестивалях и

призах, показалась Насте не то чтобы наигранной, а как бы неоправданной: на что же существует киностудия, если выпускает экспериментальные некассовые фильмы?

— А меня это не волнует, — Дамир весело улыбнулся. — Студия принадлежит на паях двум психам, которые искренне считают, что их талантливых детей не оценили в мире кинобизнеса, и готовы снять с себя все до нитки, только чтобы выходили фильмы, в которых их ненаглядные чадушки играют главные роли. У богатых, знаете ли, свои причуды. Денег у них — море, а откуда они их берут — не моя забота. Вы согласны?

— А в чем смысл экспериментирования?

— Это сложно объяснить на словах... Короче говоря, я пытаюсь использовать свое музыкальное образование и сам пишу музыку к фильмам, стараясь, чтобы она выражала именно то, что я хочу сказать как режиссер.

Когда Настя спохватилась, был второй час ночи. Она не смогла припомнить, когда еще ей было так хорошо в компании совершенно незнакомых людей. Виноград был сладок, кофе — крепок, старуха, вопреки опасениям, оказалась прекрасной собеседницей, живой, остроумной, лихо пила коньяк и заразительно смеялась. Глаза Дамира обволакивали Настю, его взгляд был уже не теплым, а обжигающим, и ей казалось, что она, отогревшись под этим взглядом изнутри, начала плавиться снаружи, у нее нет ни рук, ни ног, и вообще непонятно, как она сможет встать с кресла.

– Настя, не хотите прогуляться перед сном? – спросил Дамир, выглядывая в окно. – Там, между прочим, полная луна. Очень красиво.

– Давайте, – согласилась она, пожалуй, несколько более поспешно, нежели позволяли приличия. От старухи это не укрылось, и она заговорщически подмигнула Насте.

– Вы на машине, Дамир? – спросила Настя, медленно идя через озаренный лунным светом парк.

– Нет.

– Как же вы будете добираться? Городской транспорт уже не ходит, а на такси надежда слабая.

– А разве я не сказал? Я же купил путевку на неделю. Прямо сегодня и купил. Утром прилетел из Новосибирска, наша студия там находится, заглянул домой к Регине Аркадьевне, соседка говорит – она в санатории. Примчался сюда, а Регина мне и посоветовала здесь поселиться. А что? Комфорт, прекрасная кормежка, а главное – Регина рядом. Я ведь, собственно, к ней приехал. Хочу показать ей кое-какие наработки.

– Похоже, вы до сих пор продолжаете у нее учиться, – тихо сказала Настя, плотнее закутываясь в шарф.

– Регина – гений, – очень серьезно ответил Дамир. – Чудовищная судьба и потрясающая стойкость. Она ведь хромая с детства. Хорошее лицо, дивные волосы, а во всю щеку – отвратительное родимое пятно. Талантлива она была невероятно. Специалисты слушали ее записи и шалели от восторга.

Как только она появилась перед ними на сцене – все, конец. Это ведь были сороковые годы. Артист должен быть божеством, в него должны влюбляться, тогда на концерты будут ходить. А кто будет покупать билеты, чтобы слушать хромоножку с изуродованным лицом? О том, что люди должны слушать музыку в исполнении талантливой пианистки, и думать никто не хотел. Как же, зрелищность и грандиозность сталинских времен! Поэтому Регина поставила крест на исполнительстве и занялась преподаванием. Она и здесь заставила говорить о себе. Гений есть гений. Она умела за пять минут десятью словами и тремя аккордами объяснить ученику то, что другие педагоги вдалбливали неделями, месяцами. Если у ребенка есть хоть крошечная искорка, хоть малюсенькая крупинка способностей, под Регининым руководством расцветал дивный цветок. Дети ее обожали, родители боготворили. И новый удар! Ее не пустили вместе с учениками в Польшу, на Международный конкурс юных исполнителей. То есть все участники конкурса приехали со своими педагогами, а два человека из нашего Города – с инструктором горкома партии.

– Господи, как чудовищно, – вырвалось у Насти. – Но почему?

– А как вы думаете? Могла ли в шестидесятые годы бедная учительница музыки по фамилии Вальтер поехать в загранкомандировку? Тут и обсуждать нечего. Хуже всего другое. Нашелся идиот, который счел необходимым объяснить

ей, почему ее ученики поедут с человеком из горкома, а не с ней. Но, поскольку мужества сказать антисемитскую правду у него не хватило, он ей сказал, что, дескать, внешность у нее непредставительная. На конкурсе, когда объявляют исполнителя, обязательно представляют педагога, который должен встать и поклониться публике и жюри. Как же, мол, вы с вашей ногой да с вашим лицом...

– И что было дальше?

– А дальше Регина поставила цель и начала ее добиваться. Набрала дополнительных учеников, стала не зарабатывать, а буквально заколачивать деньги, света не видела. Наконец взяла отпуск за свой счет и поехала в Москву. Лицо ей привели в порядок, не полностью, конечно, но стало значительно лучше. Если специально не приглядываться, то и не заметишь. А с ногой вышло совсем плохо. Четыре операции, одна за другой, что-то у них там не заладилось, а может, просто ошиблись в чем-то. Короче, если раньше Регина просто хромила, то после лечения стала ходить с палкой. Ей тогда было уже почти сорок. На личной жизни можно было ставить крест. А имей она побольше денег, обратиться к врачам лет на десять пораньше, все могло быть по-другому. И семья была бы, и дети. А так – одна как перст.

– Но ведь у нее и сейчас есть ученики, – возразила Настя, – да и вы ее не забываете.

– Не надо преувеличивать мое благородство, Настенька. Я езжу к Регине не как к учительнице, которой по гроб жиз-

ни благодарен, а как к гениальному музыканту. Если хотите, пойдемте ко мне в номер, я вам продемонстрирую, что я имею в виду.

– Уже поздно, – слабо запротестовала Настя.

Дамир шагнул под фонарь и, оттянув рукав куртки, посмотрел на часы.

– Двадцать минут третьего. Действительно, поздновато. Знаете что, Настя, давайте будем называть вещи своими именами. Я вообще за честность и простоту. Вы не возражаете?

– Попробуйте, – еле слышно произнесла Настя онемевшими губами. Ей стало тошно.

– Во-первых, предлагаю перейти на «ты». Идет?

Она кивнула, ненавидя себя в душе.

– Во-вторых, я официально заявляю вам, то есть тебе, что ты не просто нравишься мне, ты очень мне нравишься, я нахожусь на грани влюбленности и, безусловно, хотел бы, чтобы мы сейчас отправились ко мне в номер. Но пусть будет так, как хочешь ты. Если ты считаешь, что сегодня еще рано, я готов подождать до завтра, или до послезавтра, или до любого другого дня в течение ближайшей недели, пока я не улечу обратно в Новосибирск. Только не надо путать одно с другим. Я привез с собой аппаратуру, потому что приехал к Регине за советом. Я приехал работать. Если я приглашаю тебя к себе, чтобы показать свою работу, то я приглашаю тебя именно за этим. Я, Настя, не мальчик, который приглашает девочку в подвал послушать магнитофон, а в итоге девоч-

ка жалуется, что ее изнасиловали. Мне уже почти сорок. И я не нуждаюсь в дешевых трюках, чтобы уложить в постель понравившуюся мне женщину.

«Уж это точно. Ты их укладываешь не только в постель, но и на пол, и на стол, и вообще на что подвернется. Как жаль, боже мой, как жаль! Все в тебе хорошо, Дамир, кроме одного: ты врешь. А я этого не люблю».

Глава 4

День пятый

Женя Шахнович разбудил Алферова и Добрынина задолго до завтрака.

– Итак, отчитываемся, – провозгласил он. – Я сразу признаюсь, у меня – полный провал. Считайте, что каждый из вас разбогател на пятьдесят штук. Что у тебя, Паша?

Довольно усмехаясь, Добрынин в деталях доложил о своих вчерашних похождениях. В обществе вытащенной на жеребьевке дамы он провел куда больше шести часов, познакомившись с ней перед самым обедом и расставшись незадолго до рассвета, благо та жила в одноместном номере. Шахнович заставил его в деталях пересказать все их разговоры, чем вызвал у Павла нескрываемое раздражение.

– Поздравляю. Павел получает свои честно заработанные двести штук. Николай?

Алферов неопределенно пожал плечами.

– Она какая-то... не такая. Не знаю... Даже разговаривать не хочет. Посоветовала мне крышу починить.

– Чего? – изумленно переспросил Добрынин.

– Сходить к психиатру, вот чего. Не дело вы, ребята, застряли. Мы же какими-то придурками выглядим, когда лезем знакомиться.

– Во-первых, не мы, а ты, – возразил Паша. – Я лично себя прекрасно чувствую, и придурком меня никто не считает. А во-вторых, ты злишься, потому что ничего не выиграл. Спорим, я эту твою белесую в шесть секунд сделаю?

– Напоминаю, что повторная ставка – двести, – добавил Женья. – Ну как, Паша, берешься за номер пятьсот тринадцатый?

– Кто не рискует – тот не пьет шампанское! – широко улыбнулся Добрынин.

* * *

Что-то с этой Каменской не так, говорил себе Шахнович, бегая по всем корпусам санатория «Долина» и выполняя не только заявки на ремонт электропроводки, но и ремонтируя любую электротехнику, от телефонов до телевизоров. Во-первых, откуда-то пошли слухи, что она работает на МВД, хотя сам-то Женья отлично знал, что ей даже одноместный номер давать не хотели. Елена Свирепая (как называли администраторшу за глаза молодые сотрудники) по обыкновению сцыганила взятку, так что никто за Каменскую из МВД не просил. Откуда же поползли эти слухи? Женья знал, что иногда люди, которые хотят, чтобы о них поменьше знали и не лезли к ним с расспросами, напускают на себя таинственность, вроде как они из милиции или из органов безопасности. Раньше, во всяком случае, такое частенько случалось.

Неужели сама Каменская где-то кому-то намекнула, что она из «органов», чтобы к ней не приставали? А то, что она хочет, чтобы к ней не лезли, – несомненно. Интересно, почему? Анастасия Каменская из пятисот тринадцатого номера была первым за четыре месяца человеком, чье поведение Женя Шахнович объяснить не мог. И это заставляло его думать, что наконец-то он нащупал ниточку к решению задачи, ради которой он уже четыре месяца по заданию своего шефа работает здесь «на все руки мастером».

* * *

– У нас возникло осложнение. Один из заказчиков категорически требует девушку не из нашего контингента. Ему понравилась одна из тех, кто отдыхает в санатории. Никакому убеждению не поддается. Да и глупо надеяться, что его можно убедить, вы сами понимаете, кто такие наши заказчики. Среди них нет и не может быть психически полноценных.

– Что будем делать?

– Срочно ищите похожий типаж. Может, удастся его обмануть. Он же видел ее с большого расстояния, лицо в деталях разглядеть не мог. Да там и нечего особенно разглядывать, лицо на редкость невыразительное. Не понятно, что он в ней нашел. Рост сто семьдесят пять – сто семьдесят семь сантиметров, вес приблизительно шестьдесят шесть – шестьдесят восемь, бюст – восемьдесят, талия шестьдесят четыре

– шестьдесят восемь, бедра – сто. Волосы светло-русые, пепельного оттенка, длина – чуть выше середины спины, чтобы лопатки прикрывали. Вот такие примерно параметры. Глаза светлые. Особых примет нет. Я вам ее покажу, надо будет сделать фото, чтобы потом подбирать грим. Действовать придется очень быстро, пока заказчик не заподозрил подвох.

– А с ней самой никак нельзя договориться?

– Исключено.

– Почему?

– Заказ категории «Б». Ты же знаешь, как тщательно мы выбираем контингент для этой категории. Никто не должен потом ее искать.

– Понятно. С другими заказами все в порядке? Или тоже сложности?

– Ну... У одного из заказчиков появились дополнительные пожелания, их довольно трудно выполнить, но я знаю, как это можно сделать. Мне нужно еще дня два-три, и можно снимать. С третьим заказчиком проблем нет, как всегда. У него два заказа, один категории «Б», второй – категории «В». Можно снимать прямо сегодня.

– Сценарии?

– Готовы, все четыре.

– Декорации, костюмы?

– Готовы.

– Озвучание?

– Музыкальное сопровождение готово, остальное – после

съемки.

– Отлично. Какие предложения по графику работы?

– Начинаем завтра, делаем по очереди два заказа Ассанова. За это время решаем проблему Марцева, должны успеть. Заказ узбека – в последнюю очередь. Типаж вообще-то самый обычный, быть того не может, чтобы за четыре дня мы не нашли никого похожего. В нашем банке данных – десятки женщин...

– Но не забудьте про категорию.

– Я помню.

– Работаем в сложных условиях, проблемы сразу с двумя заказчиками. Если все сделаем благополучно и вовремя, предлагаю наградить Семена премией. Кто за? Единогласно. Все свободны, кроме Котика.

Рыхловатый улыбчивый массажист Костя, по прозвищу Котик, пересел со стула, на котором сидел во время совещания, на мягкий диван, согнул ноги в коленях и свернулся клубочком. Он говорил, что так ему легче думается, и в самые ответственные моменты принимал позу спящего кота, чем и заслужил свое прозвище.

– Что ты выяснил о Каменской?

– Ничего. Самое главное – она сама ничего ни о ком не выясняет. Ходит на процедуры, переводит свой детектив. Ни с кем знакомиться не хочет. Она мне напоминает дрессированного фокстерьера.

– Поясни.

– Дружелюбна, приветлива, а глаза мертвые. И хватка железная.

– Насчет глаз – могу согласиться. А почему ты думаешь, что хватка железная? В чем-то проявилась?

– Ни в чем. Просто чувствую.

– Котенька, я ценю твое чутье и плачу тебе за него огромные деньги. Однако сегодня я молю бога, чтобы ты ошибся. И запомни, никто – ни Дамир, ни Семен – не должен знать то, что знаем мы с тобой про Каменскую. Иначе они ударятся в панику и натворят черт-те чего. Дамир – натура артистичная, тонко чувствующая, у него, как у всех художников, мозги набекрень, а значит, реакция может оказаться неадекватной. О Семене и говорить нечего. Он блестящий организатор, слов нет, но не забывай, что он уже лет десять в розыске за тяжкое преступление и живет по фальшивым документам. А это – десять лет постоянного, ежедневного напряжения. Он, возможно, привык к нему и не замечает, но оно накапливается и, как только ситуация станет угрожающей, может прорваться, и Семен сотворит какую-нибудь глупость. Ты можешь поручиться за него, если он узнает, что у нас под боком человек из МВД?

– Вы правы, не могу.

– И я не могу. И все-таки, Котик, спроси свое чутье: что Каменская здесь делает? Она по нашу душу явилась?

– Похоже, что да.

– Ну и ладно. Мы все равно ей не по зубам. Куда ей до

нас...

* * *

Было уже почти десять утра, а Настя Каменская все еще валялась в постели. Вчерашний день прожит, может быть, и не зря, думала она, но лучше бы все-таки она провела его по-другому. От ночной прогулки с Исмаиловым остался неприятный осадок, и Настя пыталась разобраться, чем он вызван. Обстоятельства были очевидны: он приехал не вчера, он не кинулся, «ломая ноги», прямо с самолета с цветами и подарками к старенькой учительнице музыки. Он прилетел гораздо раньше, по крайней мере уже позавчера он был здесь, тискал в запертом кабинете физкультурницу Катю и показывал ей оригинальный браслет на часах. «Как будто каслинское литье», – сказала Катя. А вчера Настя увидела этот браслет, когда он под фонарем во время прогулки смотрел, который час. Казалось бы, мелочь, но из этой мелочи моментально выросли новые вопросы, и чем дальше, тем все более неприятные.

Если Дамир Исмаилов относился к своей учительнице как к одинокому несчастному человеку, то понятно, что он ни за что не признается, что, приехав в санаторий, первым делом навестил подружку, а до старухи очередь дошла только на следующий день, да и то к вечеру. В этом сценарии расклад получался такой: Дамир – дешевый бабник, старуха –

доверчивая и обманутая. Место самой Насти в этом сценарии определяется просто: Регину Аркадьевну жалеем, Дамира посылаем подальше.

Однако же во время прогулки кареглазый Дамир с восторгом рассказывал, что Регина Аркадьевна – гений, что он показывает ей все свои работы, советуется, дорожит ее мнением. Тут он, пожалуй, не врал. Настя хорошо помнила невольно подслушанные на балконе слова старухи и необычно жесткий тон. Это не был тон учителя. Это был скорее тон экзаменатора, начальника. Но если взаимоотношения Дамира и Регины Аркадьевны носят деловой характер и лишены сентиментальности, то зачем ее обманывать? Не все ли равно в таком случае, днем раньше он явился в санаторий или днем позже, к ней первой он примчался с цветами и подарками или предварительно побывал в двух-трех койках?

Кутаясь в теплое одеяло и предаваясь размышлениям, Настя не обратила внимания на неприятный холодок, несколько раз возникавший где-то в области желудка, – верный признак того, что она заметила что-то важное, над чем стоило поразмышлять. Холодок появлялся не только тогда, когда она вспоминала прошлый вечер. Что-то еще во вчерашнем дне должно вызывать беспокойство. Что-то такое, что случилось задолго до появления Дамира. «Нет, – решительно сказала себе она, – я не на работе, я отдыхаю. Просто я погрузилась в детективный роман, и из-за этого мне всюду мерещатся крысы. У меня нет никакого повода для беспокой-

ства. Пусть Дамир морочит голову старухе, это не мое дело. Пусть он перетрахает весь персонал «Долины» – это тоже не мое дело. Да, он нравился мне целых три часа. Три часа я была почти влюблена – с моим характером это просто рекорд для закрытых помещений. Ну, подумаешь, ошиблась. Живем дальше».

Но настроение тем не менее было испорчено, и Настя решила в этот день пропустить не только процедуры, но и бассейн, а вместо этого выйти в Город. Город ей понравился. Он был уютный, стерильно чистый и какой-то не российский: без обшарпанных стен, без колдобин на дорогах, без кавказцев за витринами коммерческих палаток. То есть сами палатки были, но торговали в них русские пацаны лет по шестнадцать-семнадцать. На карманные деньги зарабатывают, одобрительно подумала Настя, ничего плохого в этом нет. Заодно хоть таблицу умножения выучат и научатся говорить «спасибо» и «пожалуйста».

Дойдя пешком до переговорного пункта, она позвонила отчиму и попросила прислать денег, в долг, разумеется. Леонид Петрович вопросов задавать не стал, зная Настину аккуратность и щепетильность в денежных вопросах, требуемую сумму обещал выслать тотчас телеграфным переводом.

Настя купила еще горсть жетонов, чтобы позвонить Лешке.

Они хотят его обмануть, эти шакалы, они собираются содрать с него деньги и подсунуть фальшивку! Не выйдет! Он выведет их на чистую воду, он, Зарип, не позволит держать себя за дурака. Он им сказал, какую женщину хочет, так в чем дело? Почему нельзя пойти и предложить ей заработать денег, много денег? Зарип не жадный, он ее озолотит, только пусть она согласится. Можно ведь не говорить ей, что он собирается с ней сделать потом. А на все остальное можно уговорить, вопрос только в цене.

Они говорят – «нельзя». Почему нельзя? Чем она отличается от всех других женщин? Все женщины соглашаются за деньги, ну, почти все. А за очень большие деньги – абсолютно все. Подумаешь, пятнадцать минут потерпеть – и пожизненная рента. Они ведь даже не пробовали с ней поговорить, а сразу сказали «нельзя». Врут они все! Небось для другого заказчика приберегли или для самих себя. Может, она подружка кого-нибудь из них? Тогда понятно, почему они говорят «нельзя». Но он, Зарип, не позволит морочить себе голову. Он должен все выяснить сам.

Выскользнув из коттеджа, Зарип осторожно подошел к главному корпусу. Вот окно столовой. Хорошо, что она на первом этаже. Зарип терпеливо ждал, пока не позавтракал последний отдыхающий, но своей красавицы блондинки не

увидел. Что с ней? Заболела? Вдруг его обманули, когда сказали, что она отдыхающая, а он, дурак, поверил и стал ждать, что она придет на завтрак вместе со всеми. Может, она и живет-то не здесь. Как же ее разыскать?

Зарип уныло брел по аллее санаторного парка, когда увидел вдали ярко-голубую куртку и длинные светлые волосы. У него мгновенно пересохло во рту. Она! Забыв о том, что ему категорически запрещено было покидать не только санаторий, но и коттедж, Зарип двинулся следом за Настей.

* * *

Семен, человек с лошадиным лицом, темным прошлым и фальшивыми документами, старательно отработывал обещанную сегодня утром премию. Он пересмотрел лично весь банк данных, нашел как минимум десяток девиц, имеющих в той или иной степени сходство с Каменской, поручил операторам тщательно выверить все биографические данные, чтобы определить, можно ли их использовать по категории «Б». Для того чтобы попасть в эту категорию, нужно было не иметь родственников и вообще людей, которые так или иначе могли бы начать поиски, встревожившись длительным отсутствием. Нужно было также не иметь приводов в милицию и не стоять у них на учете. Был и еще целый ряд требований и ограничений для тех, кого снимали в кино по категории «Б».

Раздав задания, Семен отправился в аэропорт, где должен был встретить человека, прилетающего на переговоры. Семен здорово нервничал, он хорошо умел объяснять суть вопроса женщинам, знал, на какую ложь они легко покупаются, а где лучше сказать правду. С мужчиной ему придется вести такой разговор впервые, и он боялся допустить какой-нибудь промах. Пожалуй, надо попросить Котика помочь. Хорошо, что в машине есть телефон, а до самолета еще почти час.

Котик примчался на такси и успел как раз к тому моменту, когда их гость появился в зале ожидания. Звали гостя Владом, был он молодым, миниатюрным, лет двадцати трех, хмурым, с желтыми, испорченными никотином зубами. Влад, по отзывам специалистов, был неплохим актером, ремеслом владел крепко, на игле сидел с пятнадцати лет, в деньгах нуждался постоянно. Для Семена это был хороший шанс, и надо было сделать все, чтобы его использовать.

* * *

– Вы чего-то недоговариваете, – покачал головой Влад, наливая себе очередной стакан минеральной. Все трое сидели в маленьком частном кафе рядом со зданием аэропорта. Семен пил кофе, Котик тянул пиво из банки, а Влад, выпив сразу две рюмки водки и закусив цыпленком-гриль, перешел на боржоми.

– Я хочу понять, почему вы не можете использовать в ва-

шем фильме обыкновенного мальчика восьми лет. Они замечательно работают перед камерой, у вас не будет проблем, тем более вы, как я понял, делаете короткометражку. Предложите любому школьнику – да он будет счастлив сняться бесплатно. А вы готовы заплатить мне довольно солидную сумму. Не буду скрывать, деньги мне нужны, но я хотел бы точно знать, за что я их получаю.

– Я объясню, – мягко сказал Котик, ласково глядя на Влада. – Мне не нужен обыкновенный школьник, мне нужен актер, настоящий большой актер, который сможет сыграть такое чувство, которое дано пережить лишь единицам. Это во-первых. А во-вторых, мне нужен актер с музыкальными способностями. Видите ли, киностудия занимается экспериментами в области кинематографии, в частности, мы пытаемся усилить эффект от актерской игры специально подобранным музыкальным сопровождением. Это не то, что делается обычно: снимается эпизод, потом пишется музыка и делается озвучание. У нас музыка создается вначале, она звучит во время съемки, подпитывает эмоциональную сферу актера, его игра становится более выразительной, а в идеале – он выстраивает эпизод в соответствии с развитием музыкального сопровождения. Ну подумайте сами, разве ребенку это под силу? А о вас мне говорили, что вы тонко чувствуете музыку и даже сами сочиняли когда-то.

«Класс! – восхитился про себя Семен. – И откуда только слова берутся? Я бы так не сумел. Я бы, наверное, уговари-

вал его, соблазнял деньгами, которых хватит как минимум на год, если не увеличивать дозу. Может, припугнул бы, хотя и не люблю этого. В любом случае он от меня не ушел бы. Хоть под кайфом, но я бы приволок его в павильон. А Котик работает чисто – загляденье!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.